

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО
МОСКОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ**

А.И. Федорец

СТАРАЯ МОСКВА

Сборник статей

**Москва
«Сибирский цирюльник»
2011**

Художник: *М. Тренихин*

Верстка: *Л. Харченко*

Федорец А.И.

Старая Москва. Сборник статей. – М.: «Сибирский цирюльник», 2011. – 88 с. Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-9900042-6-9

В этой книге собраны под одной обложкой статьи Анны Ильиничны Федорец, созданные в 2009–2011 годах. Тематически все они объединяются общей темой: историей московской старины. Поэтому на страницах сборника соседствуют величественные храмы XVIII века, чудаковатые букинисты XIX столетия и метростроевцы советских времен. Работы А.И. Федорец согреты любовным и уважительным отношением к московской истории, культуре, памятникам ушедших эпох.

ГРАФЫ, КНЯЗЬЯ, ГЕНЕРАЛЫ И ПРИХОДСКОЙ ПОП. «ДВОРЯНСКИЕ» ЦЕРКВИ СТАРОЙ МОСКВЫ

Москва XVIII века – что от нее осталось нам? Смутные воспоминания о градоначальниках, меценатах, просветителях... Замысловатые названия улиц: Большая и Малая Молчановки, Воротниковский, Медовый и Староконюшенный переулки... Величественные здания храмов, уцелевшие в огне 1812 года и в лихолетье революции, кое-где поновленные, а то и вовсе перестроенные до неузнаваемости...

О некоторых из столичных церквей и пойдет речь. Ведь именно они стягивали разрозненные судьбы московских дворов, особняков, улиц и площадей в единый ритм христианской жизни с ее богослужениями, праздниками и постами. Именно они в ту пору играли роль главных духовных центров «благородного сословия».

В XVIII веке значительная часть столичного дворянства обитала на северо-западе Москвы, на территории, которая тогда именовалась Никитским **сороком**. Сорок – это единица церковно-административного деления Москвы, аналогичная современному благочинию. Никитский **сорок** в начале 1740-х годов объединял четыре с лишним десятка храмов и раскинулся на густозастроенном пространстве

улиц и переулочков нынешнего московского центра. Храмы Никитского сорока рассыпаны были по северному «бережью» современного Нового Арбата, по окрестностям Тверской, стояли близ северо-восточной дуги Садового кольца наших дней, вереница их тянулась дальше, дальше, к Новослободской...

Всем известное выражение «сорок сороков» – лишь поэтическая метафора: число сороков в старой Москве не превышало шести-семи. Метафора эта очень характерна для христианского сознания, которое прибегает к удвоению, к умножению, дабы подчеркнуть значимость явления. А в Москве было чем гордиться! Москвичи всегда любили свой город с его сверкающими на солнце куполами великих соборов и малых церквушек, с колокольнями, возвышающимися над морем деревянных построек, кое-где разбавленных каменными хоромами богачей, с протяжным «малиновым» звоном, плывущим над всем миром – над Москвой-рекой, над домами и амбарами, над садами и огородами, составляющими неотъемлемую часть городского пейзажа.

Исторически сложилось, что большая часть столичных дворян расселилась в древнейшем районе Москвы – Белом городе. Дворянские усадьбы размещались на таких улицах, как Большая и Малая Никитские, обе Дмитровки, нынешние Леонтьевский и Глинищевский переулки. Помимо владельца двора и его семьи, в усадьбе жили многочисленные представители двора: лакеи, конюшие, повара, садовники, кузнецы, псары, ткачи, певчие, кормилицы, карлицы, а также целая когорта приживал: принятые из милости вдовы, девицы, старики и прочие. Если хозяин выезжал из первопрестольной с целью пожить за городом, или в своем петербургском особняке, или же по месту службы, то московский двор пустел:

все или почти все его жители уезжали вслед за хозяином. В целом, чем богаче и знатнее был дворянин, тем больше народу находило пристанище в стенах его жилища.

Духовным центром округа в то время был храм. Все православное население города в XVIII веке было приписано к определенному церковному приходу и фиксировалось в исповедных ведомостях – своеобразной форме переписи приходского населения. Листая исповедные ведомости по тому или иному приходу, видишь представителей древней и новой знати, которые жили бок о бок друг с другом. Как повседневность, так и важнейшие события их жизни были связаны с одним храмом и одним духовным отцом. Даже те аристократы, которые могли позволить себе иметь собственные домовые церкви, ходили на литургию, исповедовались и причащались в городском храме. Там же совершались столь важные для христианина обряды, как крестины, венчание, похороны, поминки. От состояния храма, от мудрости и искусства священника напрямую зависело духовное влияние церкви на высшие аристократические роды государства.

На территории Белого города расположен храм Вознесения Господня на Никитской («Малое Вознесение»). Он был построен еще в 1584 году, в честь венчания на царство сына Ивана Грозного, царя Федора Иоанновича. Несколько раз горел и перестраивался, так что облик дошедшей до нас церкви сложился постепенно, в XVII–XIX веках. Почти все дворы вознесенского прихода принадлежат представителям родовой аристократии. Это и князья Прозоровские, и Вельяминовы-Зерновы, и Колычёвы – представители родов, внесенных в «Бархатную книгу» (родословную наиболее знатных боярских и дворянских фамилий России,

составленную в 1687 году); это и графы Головкины, Брюсы, Сумароковы. А теперь – обо всем по порядку.

Род князей Прозоровских происходит в XIII–XIV веках от ярославских князей. В XVII веке Прозоровские в числе полутора десятков знатнейших фамилий (таких как Голицыны, Хованские, Урусовы, о которых речь пойдет ниже) возводились в высший думный чин боярина из стольников, миная более низкий чин окольничего. Они занимали должности воевод в крепостях и действующей армии, а также судей в приказах. Вельяминовы-Зерновы – русский дворянский род, с XIV столетия служивший московским князьям. Вельяминовы-Зерновы в старину были тысяцкими, в XVI–XVII веках – воеводами и наместниками в русских городах. Род Колычёвых, захудавший к XVIII веку, ранее дал русской истории ряд видных деятелей: Колычёвы были боярами, наместниками, воеводами; отражали натиск литовцев, дрались на степном и ливонском фронтах, при Иване Грозном активно участвовали в завоевании Казани и Поволжья. Из семейства Колычёвых происходил ряд высокопоставленных опричников, из него же вышел величайший противник опричнины – святой митрополит московский Филипп (до пострижения носил имя Федор Колычёв). Важно, что после опричнины род не пресекся. Далекий потомок древних Колычевых – Ф.Г. Колычёв, которому в 1741 году принадлежал один из дворов в приходе Вознесения Господня на Никитской, был майором кавалергардского полка.

Один из дворов прихода Вознесения Господня на Никитской принадлежал генерал-майору, графу Александру Романовичу Брюсу. Брюсы – шотландский дворянский род, представители которого прибыли в Россию в 1647 году и были приняты на службу царем Алексеем Михайловичем. При

Петре I Я.В. Брюс был возведен в графское Российской империи достоинство. После смерти Я.В. Брюса его титул в 1740 году был передан его племяннику, А.Р. Брюсу, о котором было сказано выше. По его имени, а также по имени его сына, московского главнокомандующего Я.А. Брюса, получил название Брюсов переулок, «втекающий» в Большую Никитскую.

В XVI веке некоторые из Головкиных служили в детях боярских. Взлет их произошел в Петровское царствование. И.С. Головкин долгое время был постельничим Петра, затем окольничим и боярином. Его сын, Г.И. Головкин, открыл собою первый на Руси графский род, получив титул в 1707 году. Был главой Посольского приказа, а с 1718 года руководил российской внешней политикой, будучи президентом Коллегии иностранных дел. В 1726–1730 годах – член Верховного тайного совета. Напротив имени одного из его сыновей, Михаила Гавриловича Головкина, одного из крупнейших землевладельцев страны в 1730-х годах, в исповедной ведомости стоит пометка «бывший граф». С графом сыграла злую шутку его активная политическая позиция. Карьеру он начал на дипломатической службе, был послом в Берлине. В 1730 году он вместе с отцом поддержал Анну Иоанновну и выступил против «заговора верховников»; получил от императрицы пост сенатора. Затем Михаил Гаврилович стал доверенным лицом Анны Леопольдовны, регентши при малолетнем Иване VI Антоновиче, ведал внутренними делами страны; склонял почти-монархиню, не дожидаясь совершеннолетия сына, самой короноваться в Москве. За это после дворцового переворота 25 ноября 1741 года, давшего власть Елизавете Петровне, Головкин был обвинен в государственной измене и приговорен к казни. Позорную смерть, впрочем,

заменяли Михаилу Гавриловичу ссылкой под Якутск, где бывший граф и скончался в 1775 году. В 1741–1742 годах работала специально созданная временная комиссия, которая занималась описанием домов, имущества и земельных владений М.Г. Головкина. Подобные комиссии активно создавались в 1720–1740-х годах, в эпоху дворцовых переворотов. Составленные ими описи передавались в Канцелярию конфискации, а она, в свою очередь, распоряжалась имуществом опальных сановников в соответствии с интересами правящих лиц.

В 1753 году главным судьей в Канцелярии конфискации был статский советник Петр Панкратьевич Сумароков, чей двор также располагался в 1741 году в приходе Малого Вознесения. Сумароковы – графский род, впрочем, поднявшийся к столь высокому положению из числа «служилых людей по отечеству» не самого высокого полета. Сумароковы начинают мелькать в источниках с конца XVI века: дьяк судных дел, воевода в Юрьеве-Ливонском. Во второй половине XVII века представители этого рода были на «дворовой» (придворной) службе, имели чины стольников и стряпчих – как сотни других «дворовых» служилыцев. Сын П.П. Сумарокова, Александр Петрович Сумароков, – поэт, писатель, один из видных представителей русского классицизма, содействовавший развитию русского литературного языка. Хотя для современного читателя его поэзия представляет интерес скорее исторический, чем художественный, род Сумароковых обязан известностью больше литературным занятиям Александра Петровича, нежели своему древнему происхождению.

Не менее, чем вознесенском приходе, велика была роль священника церкви Воскресения Христова на Успенском Вражке, также расположенной в Белом городе. В ее приходе

окормлялись представители знаменитых аристократических фамилий. Деревянный Воскресенский храм впервые упоминается в 1548 году, а ныне существующий каменный был построен на его месте в 1634 году.

В числе прихожан храма были знатнейшие князя Голицыны. Голицыны, как и Хованские (о которых еще пойдет речь) числятся в списке родов, занесенных в Бархатную книгу и происходят от великого князя литовского Гедимина. Его внук Патрикей в начале XV века прибыл в Москву и поступил на службу к великому князю Василию I. Голицыны – весьма многочисленный княжеский род России, и его представители занимали первостепенно важные места в ее истории. Представители рода сидели в Боярской думе, возглавляли армии, управляли городами и областями, а в XVIII веке сменили старые воеводские чины на новые – генеральские и фельдмаршальские. Многие Голицыны за службу были жалованы богатейшими поместьями и вотчинами. В Петровское правление одна часть их разветвленного семейства оказались не у дел – из-за того, что князь Василий Васильевич Голицын был фаворитом и крупнейшим политиком в период господства царевны Софьи, нелюбимой сестры Петра I, – другие же примкнули к молодому Петру и сохранили высоту положения рода.

Два двора в Воскресенском приходе принадлежат князьям Лобановым-Ростовским, Рюриковичам. Этот род также внесен в Бархатную книгу; происходят от князей Ростовских, самостоятельных правителей удельного периода. Лобановы-Ростовские были в XVI–XVII веках окольными и боярами, стольниками и воеводами. Огромное семейство князей Ростовских расплодилось на множество ветвей, их представители были повсюду: в армии, в Думе, в судах... Историк

А.А. Зимин писал о них: «Ростовские и суздальские княжата в первой трети XVI века образовали самую влиятельную прослойку в составе Боярской думы». Известен основатель рода Лобановых-Ростовский – Иван Александрович Лобан, владевший в конце XV столетия поместьем на Новгородчине.

Неподалеку от Лобановых жили Урусовы – члены княжеского рода татарского происхождения (Едигеевичи). Урусовы занимали высокое положение в московском государстве.

Здесь же были дворы Чаадаевых и Пашковых. Род Чаадаевых менее знатен, чем Урусовы, но также имеет тюркские корни. В дворянство они были записаны в 1621 году. В числе их потомков – известный русский мыслитель П.Я. Чаадаев.

Пашковы – дворянский род польского происхождения, выходцы из которого в XVII веке служили царю Василию Шуйскому, были воеводами.

Один из красивейших храмов Москвы, славный своими знатными прихожанами, расположен на территории не Белого, но Земляного города. Это храм Иоанна Богослова в Бронной слободе. Он был построен в начале XVII века государевыми оружейниками-бронниками. В первом документальном свидетельстве о храме под 1615 годом говорится, что царь Михаил Федорович Романов прислал в него специально написанную икону апостола Иоанна Богослова византийского письма. Каменная церковь на месте деревянной была построена в 1652–1665 годах, и с тех пор вид ее существенно не изменился.

В приходе Иоанновской церкви жили самые что ни на есть сливки аристократии. Два двора принадлежали представителям рода Голицыных, по одному – князьям Хованским, Волконским и Милославским. Князья Хованские имеют то же происхождение, что и Голицыны – от Патрикея, внука

великого князя литовского Гедимина. В XVII веке род играет весьма видную роль. От фамилии боярина, участника ряда походов против Турции и Польши, главы Стрелецкого приказа Ивана Андреевича Хованского произошло слово «хованщина» в значении «бунт», возглавленный высокопоставленным лицом. В 1682 году Иван Андреевич возглавил заговор против царевны Софьи, с целью посадить на русский престол своего сына. Заговор окончился неудачей, И.А. Хованский и его сын были казнены, а события, связанные с «хованщиной» легли в основу одноименной оперы М.П. Мусоргского.

Волконские – древний княжеский род, происходящий от князей Черниговских, Рюриковичей. Более поздний представитель рода, министр императорского двора, генерал-фельдмаршал и генерал-адъютант светлейший князь Петр Михайлович Волконский, проявивший себя в событиях 1812–1814 годов как талантливый военачальник и администратор, впоследствии станет одним из прототипов князя Андрея Болконского в романе Л.Н. Толстого «Война и мир».

Род Милославских – моложе, скромнее Волконских и, тем более, Хованских с Голицыными. Он имеет литовские корни. Милославские возвысились до «думных» чинов через брак Марии Ильиничны Милославской с царем Алексеем Михайловичем. Боярин И.М. Милославский играл важную роль в событиях первых лет царствования Ивана и Петра Алексеевичей.

Теснейшим образом переплелись между собой судьбы представителей российских дворянских родов – Рюриковичей, Гедиминовичей, потомков ордынской аристократии и старинного московского боярства. И связующим звеном между ними стали не только служба одному государю, не только проживание на одной территории или браки между

представителями разных родов, но и духовная власть обычного приходского священника. Обыкновенный приходской поп в силу простых жизненных обстоятельств оказывался в окружении блистательной аристократии. Ведь именно на его фигуре сосредоточивалась религиозная жизнь прихода, и его слово, его поступок, его слабости и достоинства могли отозваться на всей истории страны – через слова и поступки тех, кому он был духовным водителем.

2009

ХРАМЫ «КУПЕЧЕСКОГО ПАРАДИЗА»: ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ, ВЕК XVIII-й

Москва – город старый, город смешения времен и стилей.

Здесь он купеческий, там – дворянский, здесь шумный и деловой, там – тихий и уютный. На протяжении более чем восьмивековой истории Москва жила рука об руку с Церковью. Особую гармонию приобрел этот союз в 1326 году, когда митрополичью кафедру перенесли в Москву из Владимира. С тех пор минули многие столетия. Лик российской столицы украсился великим множеством храмов. Обычаи старины давно канули в лету, традиционные устои нашего общества пошатнулись, православная этика, к сожалению, перестала задавать тон повседневной жизни горожан. Но в шумном море столичной жизни стоят здания храмов – столпы веры, живые свидетели прошлого...

О некоторых из них и пойдет речь ниже.

Замоскворечье – один из тех районов Москвы, которому повезло больше прочих: «эпоха Советов» оставила великое множество храмов... не то чтобы нетронутыми, нет. Скорее, поверженными. Их забили до полусмерти, подвергли поруганию, а добивать не стали. В девяностые годы они очнулись от глубокого обморока, стали потихоньку приходить в себя.

На прицерковной земле снова забурлила жизнь. Но слишком уж велик был период «поражения». Успели позабыться те максимы, которые пронизывали жизнь христианской общины, изменилось понимание того, что представляет собой норма поведения. Среди прочего, отошел в прошлое феномен православной благотворительности. Понять и адекватно возродить его можно, лишь имея перед глазами примеры из минувших столетий.

Такие примеры может предоставить любое столетие московской истории, в частности, «век императриц».

В XVIII веке Замоскворечье – оплот московского торгового люда, «купеческий парадиз». Здесь жили, наряду с рядовыми купцами и ремесленниками, а также представителями других социальных групп – дворян, крестьян, разночинцев, – самые сливки купечества. Всех их связывало между собой не только место проживания, но и единый ритм христианской жизни. Ее центрами были храмы Замоскворечья, образующие единую сеть Замоскворецкого сорока. Сорок – церковно-административная единица, аналогичная современному благочинию¹. В среднем в его состав входило около 40 церковных приходов (на деле их могло быть от десяти до шести десятков). Всем известное выражение «сорок сороков» – лишь поэтическая метафора: число сороков в старой Москве не превышало шести-семи. Эта метафора была порождена христианским сознанием, одна из характерных черт которого – стремление к удвоению, умножению того явления, значимость коего надо подчеркнуть.

¹ Обычно в его состав входило около 40 церковных приходов. Впрочем, в Китайском сороке в иные годы было всего 10 приходов, а в Никитском – более 50-ти.

Замоскворецкий сорок в начале 1740-х годов охватывал южную часть территории Земляного города и простирался дальше, за его пределы: с запада, севера и востока ограниченный излучиной Москвы-реки, на юге он доходил примерно до Калужской заставы. Каждый проживавший на этой территории православный человек был приписан к определенному церковному приходу, и его присутствие фиксировалось в исповедных ведомостях – своеобразной форме переписи приходского населения. Состав приходов не был стабильным. Некогда многолюдные приходы могли приходиться в запустение, а малолюдные – напротив, пополняться новыми жителями. Изменениям был подвержен и социальный состав прихода. Так, в приходе церкви Георгия великомученика в Ендове за семь лет – с 1741 по 1748 год – число прихожан уменьшилось с 517 до 250 человек; при этом процент посадских людей увеличился с 31,3 до 50,8 %.

По приходам храмов, расположенных на центральной улице Замоскворечья – Большой Ордынке, – в 1740-х годах купцов было относительно немного, и жили они бок о бок с дворянами. На основании данных, взятых из исповедных ведомостей за 1741 и 1748 годы¹, в Замоскворечье насчитывается восемь «купеческих» приходов (то есть приходов, в которых доля посадского населения составляла 40 и более процентов, а любая другая социальная группа уступала по численности купечеству). Все церкви, к которым они относятся (кроме церкви Климента папы Римского

¹ ЦИАМ (Центральный исторический архив г. Москвы). Ф. 203. Московская духовная консистория. Оп. 747. Исповедные ведомости церквей г. Москвы и уездов Московской губернии. Д. 45. Исповедные ведомости Замоскворецкого сорока за 1741 г.; Д. 141. Исповедные ведомости Замоскворецкого сорока за 1748 год.

на Ордынке), расположены восточнее Большой Ордынки – на современных Новокузнецкой и Садовнической, Пятницкой и Кожевнической улицах, на Садовническом проезде. Это храмы Николая Чудотворца Заяицкого, Михаила Архангела в Овчинниках, Троицы Живоначальной в Вешнякове, Георгия великомученика в Ендове, Климента папы Римского на Ордынке, Спаса Преображения Господня на Болвановке, Николая чудотворца в Кузнецкой слободе и Троицы Живоначальной в Кожевниках.

Вокруг всякого храма складывалось сообщество прихожан, сплоченное общностью веры, неспешным ритмом церковного календаря, прихотливой вязью крестин, венчаний, похорон и... окормляемое одним священником. От мудрости и искусства духовного пастыря напрямую зависело влияние церкви на весьма активную и обеспеченную часть общества – на купечество.

Особую роль играли отношения приходского попа с богатейшими представителями столичного купечества, принадлежавшими его «высшей лиге». Во-первых, именно они располагали капиталом, необходимым для масштабных благотворительных акций, в том числе и направленных на благо Церкви. Многочисленные представители московского посадского населения – мелкие торговцы, ремесленники, приказчики, лавочники, артельщики, работавшие на подрядах, – конечно, могли внести свою лепту, и делали это регулярно. Однако их возможности во много раз уступали возможностям титанов купеческого мира. И, во-вторых, торговец или промышленник, входивший в первый эшелон предпринимательского класса, был в профессиональном смысле организатором производственных или же финансовых операций. Если приходскому храму требовался ремонт, достройка

придела (иерейского дома, колокольни, «теплой» церкви), то в качестве управителя должен был встать человек, способный грамотно распорядиться деньгами, организовать работы, найти подходящих исполнителей. Или, на худой конец, проконтролировать деятельность подрядчиков, поставленных на это дело. Кого в таком случае следовало звать на помощь? Кто мог сам проявить инициативу, вызвавшись обеспечить всю строительную программу от начала до завершения? Кто знал, как поладить с казной, буде и она примет участие? У кого хватило бы воли и умения на столь долгую, дорогостоящую, ответственную деятельность? Весьма часто подобные люди должны были рекрутироваться из верхушки столичного купечества. И документы середины XVIII столетия подтверждают это предположение.

Остается обратиться за примерами, которые дают уже упоминавшиеся исповедные ведомости. Они позволяют увидеть четкую и нерасторжимую связь между «капитанами российского предпринимательства» XVIII века и конкретными приходами Замоскворечья. Этот район Москвы, где купечество имело преобладающие позиции, дает немало случаев подобного рода.

К приходам Замоскворечья были приписаны весьма крупные фигуры той эпохи. Начнем с прихода церкви Троицы в Кожевниках. Известно, что на этом месте деревянный храм появился не позднее 1625 года, каменный же возник в 1686–1689 годах. Под 1741 годом за Троицким приходом числится сразу несколько живущих бок о бок видных купеческих фамилий. Самая древняя из них – династия Зиминых – существовала еще в середине XVI века. Список купцов, подписавшихся под приговорной грамотой Земского собора 1566 года, содержит имя Степана Зимина. Известнейшее купеческое

семейство прихода – Гусятниковы, отпрыски старой московской фамилии, выходцы из Кадашевской слободы. На протяжении нескольких десятилетий – с 1680 по 1725 год – Гусятниковы входили в состав Гостиной сотни. По крайней мере, семеро из этого рода. По данным на 1741 год, владельцами одного из дворов прихода числятся два брата, Михайло и Алексей Петровичи. Их дед, Сергей Захарьевич Гусятников, был назначен на ответственную должность целовальника при Соболиной казне для приема соборей и «мягкой рухляди» из Сибирского приказа (1689). Их отец, Петр Сергеевич, был «московских питейных сборов компанейщиком», одним из организаторов и участников «Питейной компании». Эта компания являлась одним из величайших московских предприятий XVIII столетия. Она внесла ощутимый вклад в жизнь города, возведя вокруг Москвы таможенную границу – вал с заставами на всех дорогах, получивший впоследствии название Камер-Коллежского. Из двух братьев-дворовладельцев Михайло Петрович – личность поистине замечательная. Первоначально Михайло, как и его отец, был винным откупщиком. Накопленные деньги он пустил на развитие лавочной торговли: к 1737 году за ним числилось 13 лавок и 15 станов по всей Москве. Через несколько лет он уже заводит фабрики. Первой из них, шляпной, этот незаурядный представитель рода Гусятниковых владел с 1745 года совместно с тремя «товарищами», а с 1747-го – единолично. В 1748 году здание фабрики сгорело, новое было за три месяца построено на месте его двора в приходе Троицкой церкви. Два года спустя М.П. Гусятников приобретает первую полотняную фабрику, а по прошествии еще двух десятилетий – вторую. К тому же он, купец первой гильдии, ведет активную заграничную торговлю.

Михайло Петрович, скончавшийся в 1776 году, оставил потомкам невероятно большой капитал. Его второй сын, Петр Михайлович, которому досталась не самая значительная доля наследства, получил звание именитого гражданина – сразу же после того, как это звание ввели (1785). Следовательно, он принадлежал к верхнему слою наиболее имущего купечества, обладавшего капиталом свыше 50 тысяч рублей – баснословной по тем временам суммой. Петр Михайлович выделялся из купеческой среды XVIII – начала XIX века широкими культурными интересами: он был страстным театралом, интересовался литературой и искусством. Таким образом, он был своего рода предтечей «золотого века купеческого меценатства», пришедшегося на последнюю треть XIX – начало XX века. Именно тогда представители «темного» купечества массово влились в высококультурные, европейски образованные слои русского общества, стали тонкими знатоками и ценителями «изящных искусств». Купцы того времени вышли в деле благотворительности и меценатства на первый план, оттеснив дворян с их исконных позиций: «торговые люди» перестали быть просто обладателями капиталов, они доросли до тонкостей интеллектуальной и духовной культуры.

Внуки М.П. Гусятникова от первого сына, Михайлы Михайловича, уже не занимались торговой деятельностью. Вместе с тем они не только продолжали числиться среди богатейших купцов своего времени, но также были в 1795–1800 годах включены в состав московских именитых граждан. Один из них, Николай Михайлович – первый член семьи, который добился дворянского звания; позже его получил и Петр Петрович, сын П.М. Гусятникова. Если в первой половине – середине XVIII века Гусятниковы жили

в Кожевниках, то во второй половине столетия они приобретают дворы, расположенные в центре города. Как владельцы многих промышленных предприятий и недвижимости, пользовавшиеся активной поддержкой и льготами со стороны государства, они внесли заметный вклад в топонимию города. Их имя носила одна из улиц, расположенных в Кожевниках. Место, где ныне находится Манеж, прозывалось Гусятниковской площадью. А переулок, идущий параллельно Чистопрудному бульвару, и ныне носит название Гусятникова (там, в сохранившемся до наших дней доме № 2, проживал П.М. Гусятников).

Предпринимательство XVIII века носит еще традиционный торговый характер. Тем не менее, в середине столетия представители и других фамилий, не оставляя торговой деятельности, заводят фабрики, постепенно превращаясь в предпринимателей торгово-промышленного типа. Среди них – прихожане той же Троицкой церкви, купцы первой гильдии Сахаровы и Овощниковы. Обе фамилии уходят корнями в XVII век. Сахаровы – выходцы из Басманной слободы, с 1630-х годов входили в состав Суконной сотни. К 1748 году они владеют крупным кожевенным заводом. Исповедная ведомость 1741 года содержит имя Д.Н.Сахарова. Из его сыновей к концу XVIII века лишь старший остается первогильдейцем. Остальные трое состоят в третьей гильдии.

Основатель фамилии Овощниковых, Остафей Овощник, упоминается в составе Гостиной сотни под 1632 и 1647 годами, а его сын Алексей – под 1653 годом. На 1741 год Овощниковы числятся по приходу Сошествия Святого Духа в Толмачах (также Замоскворецкого сорока; возможно, что они владели и другими дворами, раскиданными по всей Москве). На территории же Троицкого прихода расположена их полотняная

фабрика, где проживают приказчик с семьей, плюс «полотнянщики»: 54 мужчины и 31 женщина.

Еще один «купеческий» приход относится к храму Георгия в Ендове. Он известен с 1612 года, а в 1653 году ветхое церковное здание заменили каменным. Именно тогда храм приобрел тот чудесный облик, который сохранил до наших дней: на красной глади стен выделяются белые резные наличники окошек и тонкие, нарядные колонны; из нее вырастают изящные кокошники в несколько рядов, увенчанные пятью матово-черными главами. Весеннее наводнение 1753 года разрушило колокольню церкви Георгия в Ендове. Нынешняя колокольня появилась в 1806 году.

Прежде всего, к Георгиевскому приходу был приписан купец Мирон Струговщиков. Первогильдейцы Струговщико-вы не упоминаются в составе Гостей, Гостиной и Суконной сотен. Тем не менее, это один из выдающихся купеческих родов XVIII века. В 1720–1730-х годах они еще ведут лавочную торговлю хлебом и сковородами, а спустя одно поколение уже заводят мануфактуры и фабрики, помещают капиталы в заграничную торговлю, поступают на государственную службу. Такие видные купцы-промышленники, как Журавлевы, Шорины и Рыбинские – их родня. В 1763 году Степан Струговщиков был пожалован «вечным чином титулярного советника», то есть стал дворянином. Позднее многие Струговщико-вы также приобретут дворянское звание.

Представители фамилии Басемщико-вых, также имевших двор в приходе церкви Георгия в Ендове, не столь известны. Они – купцы второй гильдии, а значит – лишены права вести заграничную торговлю, иметь фабрики и заводы: они могут лишь заниматься внутренним оптовым и розничным торгом. До наших дней дошло опубликованное в сборнике

«Городская семья XVIII века» завещание вдовы Адриана Басемщикова, купца уже не второй, но третьей гильдии, представители которой имели право лишь на мелочную торговлю «по городу и уезду». Поражает перечень богатств, имеющихся в доме вдовы купца третьей (!) гильдии. Это и многочисленные иконы с окладами из серебра, инкрустированного жемчугом, и посуда – серебряная, медная, оловянная, – и драгоценности, и богослужebные книги, и денег «две тысячи рублей». Во-вторых, привлекает внимание забота о малолетнем наследнике. Назначенный матерью опекун должен был не только заботиться о жизни и имуществе ребенка до его совершеннолетия, он в первую очередь был обязан приложить старание, дабы мальчик «...воспитан был в страхе Божии, в познании той веры, в которой родился, в правилах добронравия, в удалении от всех злых примеров, сердце и нрав развращающих и повреждающих». Всего несколько строк, а отражена самая суть института опекунов, существовавшего в православных семьях! Выше попечения о телесном благополучии человека стоит забота о его бессмертной душе. Тут даже деловые черты купеческой жены уступают место нежности матери, думающей о родном сыне.

Теперь самое время обратиться непосредственно к купеческой благотворительности. Так, ей обязано своим существованием здание церкви Николая Чудотворца в Заяицком, одного из красивейших храмов Замоскворечья. Деревянная церковь на набережной упоминается летописных источниках под 1518 годом (тогда главный ее престол был освящен во имя Преображения, и лишь придел был Никольским). Каменную церковь здесь построили в 1652 году, а через сто лет после этого она обветшала. Именно от воли «торговых людей», окомрляемых священником Никольского храма,

зависело возведение нового здания – весьма дорогостоящее дело. В исповедной ведомости за 1748 год среди прочих значатся две фамилии: Москвины¹ и Турчаниновы. Первые из них в чине гостей упоминаются в 1698–1722 годах, вторые же – первогильдейцы, одна из крупнейших купеческих фамилий XVIII века. Емельян Яковлев сын Москвин, «московских питейных сборов компанейщик», обратился в марте 1741 года в канцелярию Синодального правления, испрашивая разрешение на слом старой приходской церкви и постройку новой. Прошение было удовлетворено, строительство началось. Е.Я. Москвин умер в мае 1741 года. Еще при жизни руководство строительством он поручил Андрею Алексеевичу Турчанинову. Тот, впрочем, тоже скоро скончался, завещав средства на возведение церкви своему сыну, Конюшенной овчинной слободы 1-й гильдии купцу Ивану Андрееву сыну Турчанинову, чье имя встречается в исповедной ведомости за 1748 год².

Строительство при И.А. Турчанинове шло полным ходом. Вот только... в 1743 году, когда здание было почти возведено, оно внезапно обрушилось. Деньги, завещанные Е.Я. Москвиным, к тому времени закончились. Пришлось взыскивать деньги с его должников, продавать его движимое и недвижимое имущество. Тем не менее, средств постоянно не хватало. Храм строился мучительно долго и был завершён лишь к 1754 году. Один из чертежей храма, по которому, возможно, и велось строительство, принадлежал известному архитектору Д. Ухтомскому. Точнее сказать нельзя: чертеж до наших времен не дошел. Зато сохранилось здание храма,

¹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 141. Л. 371 об.

² Там же. Л. 369.

построенное в стиле «елизаветинского барокко» и прошедшее через тяжкие испытания в советскую пору, когда в нем разместили трансформаторный цех, а потом снесли верхнюю часть церкви и колокольни. В 1996–1998 годах храм был восстановлен.

Другой пример церковной благотворительности являет семейство Лукутиных, прихожан храма Троицы Живоначальной в Вешняках. Деревянный Троицкий храм известен с 1642 года, каменный – с 1678-го. Тяглецы Кадашевской слободы, «природные» купцы¹ Лукутины (династия возникла в XVII веке) на рубеже 1740–1750-х годов вошли в состав 1-й гильдии. В начале же 1740-х годов купец Василий Прокофьевич Лукутин жил с женой и сыновьями во дворе своего зятя, купца первой гильдии О.Н. Новикова². Именно его сыновья, Андрей, Илья и Дмитрий Лукутины, добились того, что их фамилия вошла в число крупнейших промышленных родов XVIII века. Помня о надобностях своего «живота», они не забывали заботиться и о душе. Так, попечением Ильи Васильевича Лукутина был устроен в 1763 году придел пророка Илии в церкви Троицы в Вешняках. Самый активный из братьев, Андрей, также занимался благотворительностью, совершая значительные пожертвования на богадельни и церкви. Его сыновья, Василий и Семен Андреевичи, во время русско-французской войны 1812 года выделили крупные суммы денег на защиту России от захватчиков, за что были награждены званием первостатейных купцов. Сын же Василия Андреевича основал производство лаковых табакерок из папье-маше, более известных как федоскинская

¹ Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII века. М., 1988. С.68.

² ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 45. Л. 180.

лаковая миниатюра (по селу Федоскино, где располагалась фабрика Лукутиных). Нужно отметить, что в роду были и другие благотворители, получившие за свою деятельность звание потомственных дворян.

В том же дворе, принадлежавшем О.Н. Новикову, жил Сергей Аврамович Золотой. Его отец, Аврам Алексеевич Золотой, выходец из Кадашевской слободы, был на исходе XVII века известным богачом, входил в Гостиную сотню (1676/77–1713 годы). Сам С.А. Золотой также входил в состав Гостиной сотни с 1676/77 по 1725 годы. «Родным» для него был приход Козьмы и Дамиана в Кадашеве. Однако, как сообщает составленное в 1745 году завещание, С.А. Золотой оставил «в церковь Живоначальныя Троицы, что в Вешнякове, денег десять рублей, отцу... духовному пять рублей, а на погребение тела... и на поминовение души... издержать сто рублей»¹.

Помимо собственно церковной благотворительности, можно привести пример благотворительности «обыденной», также связанной с тем взглядом на мир, который прививала верующим Православная церковь. В XVIII веке, впрочем, как и прежде, было принято заботиться о неимущих: привечать их на своем дворе, жертвовать на богадельни или, по крайней мере, не скупиться на милостыню. До наших дней дошло завещательное письмо Дениса Назарьевича Култыгина², прихожанина церкви Николая Мирликийского в Кузнецкой слободе. Деревянная Никольская церковь известна с 1625 года, первая каменная появилась в 1681–1683 годах. В 1805 году

¹ Городская семья XVIII века: Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост. Н.В. Козлова. М., 2002. № 69. С. 138.

² Там же. № 75. С. 148–150.

она была разобрана и перестроена. Д.Н. Култыгин упоминается в 1725 году как «торговый человек» Гостиной сотни. В 1747 году 74-летний купец пишет завещание, где среди прочих распоряжений он дважды упоминает о необходимости выполнить христианский долг: Денис Назарьевич обязывает душеприказчика «дачею убогим милостынею», «а достальные (остальные деньги – А.Ф.) для пользы души моей роздать по церквам и ближним моим родственникам, и свойственникам, и протчим убогим».

В XVIII веке российское купечество еще не успело достичь тех высот, на которые оно взойдет в следующем столетии. Оно еще не столь богато, не столь образованно, оно еще не научилось тратить деньги на нужды науки и искусства. Но оно представляет собой весьма активный и динамично развивающийся слой городского населения. Преумножая свои богатства, православные купцы не забывают и о нуждах родного города. Заботятся о его благоустройстве: возводят церкви и колокольни, здания богаделен и приютов. Проявляют любовь к ближнему: воспитывают подопечных детей, предоставляют кров и пищу нищим и увечным, жертвуют деньги беднякам. Иными словами, исполняют свой христианский долг.

Говоря о русском купеческом меценатстве, в особенности о его «золотом веке», часто «забывают» о купеческой же церковной благотворительности, отодвигают ее на второй план. И впрямь, плоды ее не столь ярки: это не строительство театров, не коллекционирование предметов старины и произведений искусства, и тем более не передача своих собраний в дар государству. Но они не менее, если только не более значимы в плане духовном. Постоянное «благое дело» крупнейших российских купцов XVIII века украсило Москву

многими дивными храмами и... заложило основы для того самого «золотого века». Не последнюю роль играл в этом процессе приходской поп. Именно он с молодых ногтей прививал своей пастве необходимость заботы о ближнем. Он напоминал: заботьтесь о душе своей непрестанно – и благие дела вам зачтутся. Он учил: как бы богат ты ни был, ты не сумеешь забрать свое богатство в мир иной, и потому должен найти ему достойное применение. Проповеди и советы приходского священника сопровождали человека на протяжении всей его земной жизни. Сила его слова и его духовный пример часто оказывали решающее воздействие на поступки состоятельных людей. Примером того служит благотворительность крупных московских купцов – прихожан Замо-скворецкого сорока.

У истоков «ЗОЛОТОГО ВЕКА» КУПЕЧЕСКОГО МЕЦЕНАТСТВА. ПОКОЛЕНИЕ 1840-х

Период последней трети XIX – начала XX века известен в литературе как «Золотой век купеческой благотворительности». Современники называли эту эпоху «медицинским периодом». На эти несколько десятилетий пришелся расцвет предпринимательской благотворительности, совпавший с общим цветением русской культуры. Причин тому несколько.

На фоне бурного роста российской экономики повышается благосостояние купеческих семейств. Ярче всего это заметно в Москве, которая на протяжении всего XIX столетия превращается в главнейший торгово-промышленный центр Российской империи. Во второй половине столетия здесь один за другим возникают крупные торговые дома и товарищества на паях, здесь как грибы после дождя растут здания банков и бирж, здесь бьет ключом жизнь новой элиты России – элиты не аристократической, не сублично-мечтательной, а деятельно-практической, предпринимательской. У этих людей больше свободных капиталов, чем у их дедов и прадедов, но дело не только в деньгах. От напористых и энергичных честолюбцев впору ждать свежих идей, свежих жизненных соков, которыми расцвела

бы отечественная культура. И они дали новую кровь, новый импульс национально-религиозному возрождению.

Начиная с 1860-х годов, неуклонно растет уровень образования купеческих детей, а с ним и уровень их культурных запросов. Благодаря этому меняется сама структура купеческой благотворительности. К традиционным пожертвованиям на храм Божий, на помощь сирым и убогим, добавляется новое для купеческого мира явление – меценатство. Воротилы финансового мира начинают составлять картинные галереи, библиотеки, музеи. Пользуясь их покровительством, создают лучшие свои творения превосходные художники и литераторы, работают ученые и актеры. Это – самая красивая сторона купеческой благотворительности. Важно лишь, чтобы ее блеск не заслонил собою и другие стороны. Чтобы не забылись миллионы рублей, отданные московскими купцами на строительство и ремонт церквей, на новые училища, больницы, богадельни. Кто знает, быть может, ныне безвестные благодетели бедняков и обездоленных, создатели новых обителей были в свое время более уважаемы, чем Мамонтов, Бахрушины и даже Третьяков?

Есть еще одна причина того, что «Золотой век купеческой благотворительности» отсчитывается с 60-х годов XIX столетия. Причина эта – появление колоссального числа дневников, переписки и мемуаров, на страницах которых предстают перед потомками купцы. Купеческое сообщество перестает быть замкнутым мирком, живущим по собственным правилам и не слишком-то стремящимся допускать в свою жизнь посторонних. О торговцах и промышленниках пишут теперь аристократы и представители разночинной интеллигенции – художники, писатели, ученые – все те, кто вошел в круг общения прогрессивного купечества. Впрочем они

и сами достаточно образованы, чтобы написать о себе ярко, красиво... Отныне можно не только увидеть перечень деяний того или иного купца – узнать о деловой стороне его жизни, о его общественной деятельности, – но и составить его психологический портрет. Понять, каковы были его характер и увлечения, объяснить мотивацию его поступков, в том числе – благотворительных.

Если говорить о «Золотом веке» как о совокупности личностей, то в их число прежде всего войдут те, кто родился в 50–60-е годы XIX столетия. Они получили когда-то превосходное систематическое образование, а прославились прежде всего покровительством науке и искусству. Они прочно закрепились на страницах дневников и воспоминаний современников. А.А. Бахрушин, М.П. Боткин, С.И. Мамонтов, П.И. Щукин. Но речь сейчас пойдет не о них, а о представителях поколения 1840-х.

Эти люди родились в промежутке между 1815 и 1835 годами. Их воспитывали дома – учили азам грамоты, письму и счету, чтобы по достижении 12–14 лет отправить в отцовскую лавку – обучаться премудростям торгового ремесла. То рафинированное образование, которое получают впоследствии их собственные сыновья и дочери, им и не снилось. И, еще того хуже, о них практически ничего не сказано в записках современников – за исключением, разумеется, самых крупных фигур. Но именно они оказались на стыке двух эпох купеческой благотворительности: традиционной – и Золотого века.

Закладывая фундамент для периода процветания, сами еще во многом принадлежали старой эпохе.

Пусть о представителях поколения 1840-х сохранилось мало воспоминаний. Зато есть документы, фиксирующие

их предпринимательскую и общественную деятельность, их путь к Богу по дороге благотворительности и к благам мира сего – по ступенькам Табели о рангах. Купцы поколения 40-х – это мост между двумя мирами, и с горбатой вершины его можно увидеть, сквозь туманную завесу времени, оба мира. Людей, чьи судьбы составляют плоть моста, автор этих строк предлагает отнести к одной из трех групп.

В первую войдут люди, живущие по старинке. Они по-прежнему ведут лавочную торговлю, по-прежнему занимаются традиционной благотворительностью. Они учат своих детей азам грамоты и счета и заповедают им жить «как отцы и деды жили». Скорее всего, это люди не очень состоятельные или же не имеющие особого чутья к витающим в воздухе переменам. А хоть бы и было у них чутье – где ему развернуться, коли нет желания меняться? Эти люди не оставляют яркого следа на страницах мемуаров, поэтому кажется, что нет их вовсе, на деле же несть им числа. Именно их, а не более чутких и образованных буржуа, бичует А.Н. Островский на страницах своих произведений. Но... может быть, зря? Ведь на их плечи ляжет впоследствии бремя заботы о нищих и обездоленных, об устройстве больниц, приютов, богаделен – то, от чего откажутся просвещеннейшие и начавшие забывать Бога меценаты Золотого века.

Во второй группе окажутся фигуры более гибкие, более подверженные влиянию времени. О таких современники говорили: «Он шел в ногу с эпохой». Они, сбравшись со знакомцами в трактире, учреждают товарищества на паях. Они становятся отцами-основателями известнейших семейных торговых домов, – как, например, И.В. Щукин. Они переходят от лавочного торга к новейшему производству на фабриках и заводах, как Анд. Алекс. Карзинкин.

Да, благотворительность их имеет прежние традиционные формы. Они основывают приюты, больницы, училища для бедняков. Они на протяжении десятилетий являются старостами московских храмов, поддерживая их в добром состоянии. И в то же время именно они дают детям то систематическое образование, недостаток которого они так остро ощущают в самих себе – приглашают к ним гувернеров, отдают в гимназии и университеты, вывозят за границу посмотреть тамошние достижения.

И, наконец, представители третьей группы – настоящие титаны. Не только энергичные, но и целеустремленные, обладающие прекрасным чутьем актуального, смогли они вырваться вперед, опережая эпоху. Занявшись самообразованием, восполнив пробелы в познаниях, они первыми выходят за рамки родного купеческого общества. Вращаются в среде разночинной интеллигенции. Первыми ощущают жажду высокой культуры – и составляют первые *купеческие* – в противоположность привычным дворянским – картинные галереи, как К.Т. Солдатёнков, С.М. и П.М. Третьяковы. Они еще не оставляют традиционной благотворительности. О ней забудет только следующее поколение. А простая, «традиционная» благотворительность титанов просто-напросто не слишком заметна на фоне их радения о мире высокой культуры. Именно эти люди дают всем остальным пример, дают мощный импульс к действию. Сначала они являются «белыми воронами», потом становится модным им подражать. Еще через некоторое время поступать так, как они, становится обязательным для поддержания имиджа коммерсанта – покровителя наук и искусств.

Разумеется, это деление на группы условно – как и любая другая попытка вместить сложное явление в рамки

умозрительной схемы. Но «Золотой век» сейчас привлекает внимание интеллектуалов. Он вызывает желание повторить нечто подобное и в наши дни. Именно поэтому важно посмотреть не только на то, что он собой представлял, но и на то, из чего он вырос. Ведь чтобы построить новый дом по образцу старого, нужно изучить, в каком стиле и из каких материалов построено само здание. Но еще важнее понять, на каком фундаменте он был построен.

2010

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ – АБРАМЦЕВО: ЕДИНОЕ ТВОРЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Вторая половина XIX столетия для русской культуры – время художественного расцвета. Подготовка его шла в обеих столицах. Петербург выращивал новые художественные кадры в Академии художеств, а Москва – в Училище живописи, ваяния и зодчества. Все же главной точкой роста нового искусства стала Москва. Именно здесь была создана художественная среда, без которой невозможно существование высокообразованной культуры. Творцами этой среды стало не государство, не представители дворянского сословия и даже не разночинная интеллигенция, а... купечество. С середины века предпринимательский класс стал живо интересоваться культурными вопросами, определять свои эстетические предпочтения – и оплачивать звонким рублем вещи, этим предпочтениям соответствовавшие. Говоря современным языком, купцы стали заказчиками искусства, – сменив на этом посту дворян и заметно потеснив членов императорской фамилии.

Еще живший в XIX веке художественный критик, историк искусства В.В. Стасов констатировал: в первой половине столетия дворяне коллекционировали предметы искусства в основном не по зову души. Конечно, находились одиночки,

собиравшие живопись, бытовые предметы, скульптуру с искренней страстностью и любовью к предмету. Но в большинстве случаев собирательство было данью моде. И та же самая мода диктовала составителям коллекций интерес лишь к иностранному – тому, что имело цену на Западе¹. К отечественному искусству отношение было пренебрежительным. А во второй половине XIX столетия... мода прошла. Интерес дворян к искусству – к своему ли, к чужому ли – угас.

По свидетельству директора императорских театров В.А. Теляковского, «...аристократия, столько покровительствовавшая в эпохи Екатерины II и Александра I искусствам и театру... стала все менее и менее этим интересоваться. На артистов, художников и музыкантов начали смотреть как на докторов, священников, инженеров или начальников станций, которые случайно могут быть иногда и полезны, но по миновании в этих лицах надобности и уплаты соответствующего гонорара двери знатных домов для них остаются закрытыми... В большинстве старинных домов нашей аристократии находящиеся в них картины, старинная бронза, скульптура, фарфор, гобелены, мебель и т.п. предметы искусства были получены по наследству. Вновь приобреталось мало, а что и приобреталось, было по большей части, за редкими исключениями, плохого качества и вкуса»².

К этому свидетельству можно добавить лишь одно: даже если дворяне приобретали отдельные произведения отечественных художников, искусства как такового они не поддерживали. Русское искусство развивалось само по себе, нередко

¹ *Стасов В.В.* Павел Михайлович Третьяков и его картинная галерея // Русская старина. 1893. № 12. С. 584–585.

² *Теляковский В.А.* Воспоминания. Л., 1965. С. 70–71.

размениваясь на ремесло – лишь бы тот или иной художник не умер от голода. Талантливого живописца могла поддержать Петербургская академия художеств – если его работы удовлетворяли ее требованиям. Вне стен Академии молодой живописец мог ожидать поддержки со стороны учителя – если тот сам сводил концы с концами. В остальных случаях художник жил от заказа до заказа, и причиной тому было отсутствие мало-мальски развитой художественной среды.

Итак, дворян постепенно перестало занимать искусство как таковое и, за единичными исключениями, они не проявляли интереса к искусству отечественному. Что же купцы?

А купцы по обоим критериям разительно отличались от дворян. Во-первых, искусство для них – по крайней мере, для самых первых собирателей, появившихся в конце 1840-х – 1860-х годах, – не являлось данью моде. Если купец, единственным воспитанием которого было сидение в отцовской лавке, любил искусство, – он любил его бескорыстно и всей душой. Во-вторых, купечество, в отличие от дворянства, не было оторвано от народа. Купец еще и в середине XIX столетия в массе своей был патриархален, имел связи с деревней и, что самое важное, исповедовал православную веру. Этой верой, этим патриархальным бытом и были продиктованы те эстетические устои, которые он впоследствии будет проповедовать. Иными словами, связанный воспитанием с родной почвой, купец хорошо чувствовал собственно русскую культуру, в первую голову чтит русский талант и такое искусство, которое было пропитано «русским духом».

Кроме того, в отличие от дворянства, у купечества был богатый опыт организации производства. Оно понимало, что любое явление хозяйственной, а тем паче – культурной

жизни неспособно длительное время существовать «в воздухе», само по себе. Хрупкий цветок культуры может расцвести в том и только в том случае, если посадить его на добрую почву и обеспечить заботливый уход. К этому рациональному пониманию примешивалась доля иррационального: купцам просто нравились произведения отечественных творцов. Нравились – наперекор всему, и прежде всего – вразрез с традиционными представлениями (прежде всего дворянскими) о том, что творения русских живописцев и в подметки не годятся полотнам западных художников.

Так или иначе, именно купечество стало той силой, которая создала плодородную среду для «выращивания» цветка русской культуры.

В небольшой статье трудно охватить все те центры, вокруг которых бурлила художественная жизнь второй половины XIX века. Поэтому ниже речь пойдет о двух из них – оказавших наибольшее влияние на жизнь отечественной культуры. Один из них окормлялся П.М. Третьяковым, другой сложился возле С.И. Мамонтова.

Павел Михайлович Третьяков родился в 1832 году в семье купца второй гильдии и получил традиционное домашнее образование: был обучен письму, счету, с ранних лет осваивал навыки торгового ремесла в отцовской лавке. Трудно сказать, какие еще знания он получил дома, и скорее всего, они были связаны с продолжением отцовского дела. Доподлинно известно, что его отец хотел «сыновей (старшего Павла и младшего Сергея. – А.Ф.) от торговли и от своего сословия не отстранять и прилично образовать»¹. Те знания, которые

¹ Завещание Михаила Захаровича Третьякова, отца Павла Михайловича. Цит. по: *Безрукова Д.Я.* Третьяков и история создания его галереи. М., 1970. С. 5.

Павел не мог получить в родительском доме, он восполнял, читая книги и беседуя со знающими людьми.

Третьяков – один из первых московских купцов, проявивших интерес к русской живописи. Раньше него в Москве начал собирать картины только Козьма Терентьевич Солдатёнков¹. Располагавший значительно *большим* количеством денег, он не был столь последователен, как Третьяков. Солдатёнкова-старообрядца в равной мере занимали полотна русских и западных живописцев. Его собирательство не было подчинено идее русскости – чего нельзя сказать о деятельности П.М. Третьякова. Придя однажды к идее коллекционирования, он очень скоро понял, что собирать хотел бы русских художников. Первые покупки для галереи отечественного искусства Третьяков сделал в 1856 году. Это были картины «Стычка с финляндскими контрабандистами» В.Г. Худякова и «Искушение» Н.Г. Шильдера. С этого момента, – а Третьякову исполнилось 24 года – и до последних дней жизни Павел Михайлович продолжал собирать произведения исключительно русских художников.

Методично, шаг за шагом, Третьяков входит в московскую и петербургскую художественную жизнь, которая обычно настроенно относится к «чужакам». Знакомится с Н.В. Невревым, А.Г. и И.Г. Горавскими, А.К. Саврасовым, В.Г. Перовым и многими другими. Мало-помалу художники начинают воспринимать Третьякова как «своего», открывать перед ним двери своих мастерских. По воспоминаниям

¹ По свидетельству П.А. Бурьшкина, К.Т. Солдатёнков начал собирать картины в конце 1840-х годов. Подробнее см. очерк П.А. Бурьшкина, посвященный К.Т. Солдатёнкову, в книге: *Бурьшкин П.А.* Москва купеческая: Мемуары. М., 1991.

современников, именно Третьяков создает новый тип мецената. Он проявлял заинтересованность не только к предметам искусства, которые желал приобрести, но и к людям, создающим эти вещи.

Третьяков был знаком со всеми сколько-нибудь заметными художниками, и не только с выдающимися талантами. Ходил по мастерским, интересовался: как живет художник, над чем работает, всегда был готов поддержать творца морально и, если понадобится, материально.

По мере вrastания Третьякова в художественный мир, его дом в Толмачах все более и более становился своеобразным культурным центром Замоскворечья. Художник всегда был в этом доме желанным гостем. Служитель Третьяковской галереи Н.А. Мудрогель писал в воспоминаниях: «На первых порах нас всех, помню, удивляло: к нам в галерею едут и великие князья, и графы, и генералы, выражают желание видеть Павла Михайловича, познакомиться с ним, поговорить, а он приказывает сказать: “его дома нет”, “выехал неизвестно куда”. А придет художник – нет ему гостя дороже. И к себе в кабинет пригласит (а обычно звал к себе других лиц редко), и в дом поведет, во второй этаж, к своей семье, где Вера Николаевна угощает завтраком»¹. Некоторые живописцы, например В.М. Максимов, подолгу жили под гостеприимным кровом Третьяковых.

Время от времени у Павла Михайловича собирались общие «обедаы» с художниками, особенно в дни открытия в Москве очередной выставки передвижников. По воспоминаниям

¹ Мудрогель Н.А. Пятьдесят восемь лет в Третьяковской галерее: Воспоминания. Л., 1962. С. 65.

того же Мудрогеля, «...хотя художественная жизнь процветала в Петербурге, но главное значение в этой жизни играла Москва: здесь жили главные собиратели художественных произведений. Художники, приезжая в Москву, непременно навещали Третьяковых. Помню один большой съезд художников в доме Третьяковых, когда были почти все художники-передвижники с Крамским во главе... Обсуждали вопрос, как лучше устраивать выставки и как улучшить жизнь художников»¹.

Проводились для живописцев и вечеринки. Главными заводилами были одесские художники П.В. Кузнецов и Н.К. Бодаревский. «Приезжая в Москву, они часто заходили в дом Третьяковых и... устроили однажды целое представление – “Утро в деревне”. В зале потушили лампы, сделали полную ночь, потом запели петухами, будто утро идет, перекликались разными голосами... Художники, участвуя в таких вечерах, одним только были чуть недовольны: вина мало. Действительно, вино ставилось в очень ограниченном количестве. Третьяков считал, что водка – огромный враг русского народа и русских талантливых людей. Он не допускал, чтобы у него в доме кто-нибудь упивался»².

Помимо товарищеского общения, встречи художников преследовали еще одну цель: они облегчали деловые отношения между живописцами, многие из которых жили в Петербурге, – и меценатом. Этот факт, однако, ни в коей мере не умаляет их просветительского значения.

Творческая жизнь толмачёвского особняка была достаточно разнообразна.

¹ Там же. С. 82.

² Там же.

Изобразительное искусство в доме Третьякова почиталось главнее всего. Но оно не было единственным. Женившись на Вере Николаевне Мамонтовой в 1865 году, он получил в приданое... музыку. И музыка царила в доме Третьяковых, объединяла хозяев с их гостями, вдохновляла на новые творческие искания.

С 1873 года в доме регулярно устраивались музыкальные вечера¹. Их посещали родственники, друзья, знакомые, а со временем – и совершенно не знакомые люди, тянущиеся к искусству. Перед собравшимися – а их даже на первых встречах бывало не менее пятидесяти человек – выступали музыканты. На рояле играла сама хозяйка дома, Вера Николаевна Третьякова, прекрасная исполнительница и глубокий знаток фортепианной музыки. Со временем к ней присоединилась старшая дочь, Вера Павловна, унаследовавшая от матери музыкальный талант. Об одном из таких вечеров Вера Николаевна писала в дневнике: «Я с сестрой Зинаидой Николаевной играла концерт Баха на 2 фортепиано (в этот вечер присутствовал знаменитый скрипач Лауб, приглашенный быть профессором в Московскую консерваторию), и папаша (П.М. Третьяков. – А.Ф.) был очень доволен, а с нами делалось лихорадочное состояние от волнения и восторга»².

На вечерах исполнялись произведения И.С. Баха, В.А. Моцарта, Л. Бетховена, М.П. Мусоргского и других классиков. Наряду с любителями, в доме Третьяковых выступали известные исполнители того времени: скрипачи М. Марсик

¹ Дата установлена Л.М. Куталадзе в процессе работы с архивами Третьяковых. См.: *Зилоти А.И.* Воспоминания и письма. Л., 1963. С. 323.

² Цит. по: *Зилоти А.И.* Указ. соч. С. 323.

и Ф. Лауб, виолончелисты К.Ю. Давыдов и Д. Поппер, пианист А. Грюнфельд, родственник Третьякова композитор П.И. Чайковский¹. Упомянув приехавших к ним знаменитостей, вторая дочь Третьякова, Александра Павловна (в замужестве Боткина), пишет: «...конечно, в значительной степени их привлекала картинная галерея, которую большая часть приехавших артистов спешила посетить»². Как бы то ни было, а вечера эти оказывали благотворное влияние на их участников.

Особенное впечатление музыкальные вечера произвели на Виктора Васнецова. Впервые появившись на таком вечере в 1878 году, он стал завсегдатаем толмачёвских встреч. Здесь, в Москве, а не в холодно-аристократичном Петербурге, где учился, Виктор Михайлович сроднился с классической музыкой – связанной для него с московской стариной. По воспоминаниям дочери Третьякова В.П. Зилоти, Васнецов «...любил музыку сильно, ярко, мало ее знал, но жаждал ее, искал и находил в ней вдохновенье»³. В 1884 году, работая над росписями Владимирского собора в Киеве, Васнецов напишет Е.Г. Мамонтовой: «...зимой я благодаря Третьяковым много слушал музыки: вот лекарство для больной души»⁴. Писал он и П.М. Третьякову: «...как ни красив Киев, не могу к нему привыкнуть. Тоскую также о музыке, иногда очень

¹ См.: *Зилоти А.И.* Указ. соч.; *Зилоти В.П.* В доме Третьякова. М., 1998; *Боткина А.П.* Павел Михайлович Третьяков. М.: Искусство, 1960. См. также примечания к: *Васнецов В.М.* Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. М., 1987.

² *Боткина А.П.* Павел Михайлович Третьяков. М., 1960. С. 222.

³ Подробнее см. раздел воспоминаний В.П. Зилоти, посвященный В.М. Васнецову.

⁴ *Васнецов В.М.* Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. М., 1987. С. 61.

и очень хочется послушать Бетховена или Баха, или Моцарта из хороших рук! Вспоминаю при этом и обладательниц этих хороших рук – Веру Николаевну, Верочку и Сашеньку»¹. И в другом письме: «Теперь голова моя наполнена святыми, апостолами, мучениками, пророками, ангелами, орнаментами... И как бы было хорошо для меня теперь слушать великую музыку. Как бы я рад был теперь приютиться у печки между двумя столиками (мое обыкновенное место) и слушать Баха, Бетховена, Моцарта, слушать и понимать, что волновало их душу, радоваться с ними, страдать, торжествовать; понимать великую эпопею человеческого духа, рассказанную их звуками»².

На музыкальных вечерах в Лаврушинском бывали и другие художники: И.Е. Репин, В.И. Суриков, В.Е. Маковский, Н.В. Неврев, М.В. Нестеров, В.Д. Поленов, А.А. Риццони³. А Суриков «всегда тихо и звучно просил: “Баха, Баха, пожалуйста!”»⁴.

То собрание людей, что создалось вокруг Третьякова, не было кружком в собственном смысле слова. Оно не устраивало регулярных встреч и не пыталось манифестировать этическое или эстетическое единство. Однако оно создавало творческую атмосферу и вводило людей искусства в широкий круг дружеского общения. Этот круг подпитывал в художнике устремленность к высшим идеалам, а значит,

¹ Там же. С. 68.

² Там же. С. 70.

³ См.: *Зилоти А.И.* Воспоминания и письма...; *Зилоти В.П.* В доме Третьякова...; *Боткина А.П.* Павел Михайлович Третьяков.... См. также примечания к: *Васнецов В.М.* Письма. Дневники. Воспоминания...

⁴ Подробнее см.: *Зилоти В.П.* В доме Третьякова. М., 1998.

убеждал в том, что долг живописца – не только заработать на хлеб насущный, но также выразить глубинные переживания и вечные смыслы.

Еще одним двигателем художественной жизни этого периода был другой купец – Савва Иванович Мамонтов. Жизнь созданного им Абрамцевского кружка известна исследователям, да и образованной публике в целом, существенно лучше, нежели собрания в доме Третьякова. Поэтому здесь будут лишь обозначены основные направления его деятельности.

Савва Иванович Мамонтов родился в 1841 году в городе Ялуторовске за Уралом, в семье крупного винного откупщика¹. В 1847 году его семья переехала в Москву. В отличие от Павла Михайловича, Савва Иванович получил превосходное по тем временам (в особенности для купеческого сына) образование. Дома брал уроки у нанятого учителя, причем был серьезно обучен музыке. Один год провел в гимназии, учился в Институте корпуса гражданских инженеров в Петербурге (1854–1856) и на юридическом факультете Московского университета (1860–1862). Здесь Савва Иванович увлекся театром, и отец почел за благо прервать образование сына, погрузив его с головой в практическую торговую деятельность. Мамонтов-младший участвовал в предприятиях отца, а после его смерти в 1869 году получил

¹ Откупщики – частные лица, которым государственной властью за известное вознаграждение предоставлялось право взимания налогов с населения – откупа. К откупной системе государство вынуждено было прибегать ввиду отсутствия налогового аппарата. Система была крайне выгодна для государства, так как ее функционирование не требовало расходов на содержание штата чиновников. В России на откупа отдавалась преимущественно продажа водки, но во второй половине XIX века откупная система была заменена винной монополией.

в наследство огромный капитал – и вместе с ним возможность заняться тем, что его действительно интересовало. Именно в конце 1860-х – начале 1870-х годов особенно проявляется интерес Саввы Ивановича к изобразительному искусству. Интерес этот целиком и полностью разделяется его женой – Елизаветой Григорьевной, урожденной Сапожниковой.

Абрамцевский кружок появился на свет около 1873 года – тогда же, когда начались вечера в доме Третьякова. Основной движущей силой и главными идеологами кружка были Савва Иванович Мамонтов и его супруга. Зимой художники, музыканты, писатели съезжались в московский дом Мамонтовых, летом гостили в их имении Абрамцево. Творческая жизнь членов Абрамцевского кружка была не менее, а в чем-то, возможно, и более насыщенной, чем жизнь третьяковского дома.

Членами мамонтовского кружка были И.Е. Репин, А.В. Прахов, М.М. Антокольский, В.Д. Поленов, В.М. Васнецов, И.И. Левитан, И.С. Остроухов, А.М. Васнецов, Н.В. Неврев, К.А. Коровин, М.А. Врубель, также В.И. Суриков и М.В. Нестеров. Все эти художники (за исключением Врубеля, а также историка искусства Прахова) бывали на вечерах П.М. Третьякова, или, по крайней мере, состояли с ним в приятельских отношениях (Остроухов, Левитан).

Круг активности Абрамцевского кружка был велик и разнообразен. Желая облегчить жизнь простому народу, его члены создали для деревенских жителей больницу и школу. С этой же целью были учреждены Абрамцевские столярная и гончарная мастерские. Но все же основным направлением деятельности было служение искусству.

В Абрамцево бурно развивалась русская национальная живопись. Здесь И.Е. Репин работал над картинами «Крестный ход», «Новобранцы», создал целый ряд портретов.

В.А. Серов написал «Девочку с персиками». В.М. Васнецов – «Трех богатырей», «Аленушку», «Ивана Царевича на сером волке». Именно здесь художник сумел окончательно перейти от жанровой живописи к написанию полотен на сказочные темы. В Абрамцеве, с его пристальным интересом к фигуре преподобного Сергия Радонежского, сформировался творческий облик М.В. Нестерова. А окрестности мамонтовского имения запечатлены на пейзажах И.И. Левитана, В.Д. Поленова, И.С. Остроухова и многих других художников.

В Абрамцеве и московском доме Мамонтовых появилась на свет Частная опера С.И. Мамонтова. Она выросла из рождественских любительских спектаклей, а те, в свою очередь – из воскресных «чтений» и «живых картин» с участием художников и членов семейства от мала до велика. Главным принципом новой оперы стал реализм в декорациях и костюмах – в противоположность грубой условности постановок императорских театров. Проводниками реализма стали те же художники: декорации к постановкам создавали К.А. Коровин, В.Д. Поленов, М.А. Врубель, И.И. Левитан. Кроме того, здесь проявилась большая любовь к музыке самого Саввы Ивановича. Не зря «музыкальность и Мамонтовы было почти синонимом в Москве»¹. Частная опера привлекла интерес публики к русским композиторам и исполнителям: Н.А. Римскому-Корсакову, М.П. Мусоргскому, взрастила Ф.И. Шаляпина.

С Абрамцева началась «мода» на родную старину. Члены кружка первыми организовали ознакомительные поездки по старинным русским городам; занялись воссозданием образцов «народного» орнамента, резьбы по дереву и камню,

¹ Зилоти В.П. Указ. соч. С. 34.

вышивки; стали изучать старые и изобретать новые техники изготовления художественно-бытовой утвари. Наконец, в Абрамцево, на основе собранных по всей стране экспонатов, был создан уникальный музей народных промыслов.

Венцом абрамцевского со-творчества стало строительство Спасского храма. Храм стал одним из первых шедевров, возведенных в русском стиле. Работа над его постройкой «зажгла» всех членов кружка, стала своего рода связующим раствором – сплотившим не кирпичи, но людей. Она показала, что союз талантливых людей, направивших усилия на решение общего дела, может быть способен на многое. Даже – на создание настоящей сказки.

Многогранная деятельность членов Абрамцевского кружка может быть описана одной мыслью, принадлежащей Савве Ивановичу: «Надо приучить глаз народа к красивому на вокзалах, в храмах, на улицах»¹. Но нельзя ли то же самое сказать о трудах П.М. Третьякова?

В воспоминаниях В.П. Зилоти есть следующая фраза: «...в Москве все как-то жили особняком, в семье, у каждого была своя яркая внутренняя жизнь и видеться всем было прямо некогда»². Действительно, как третьяковское, так и мамонтовское творческие объединения в такой степени плодотворны, что кажутся их историку самодостаточными. От внимания исследователей все время ускользает теснейшая связь, которая между ними существовала. Связь эта прослеживается на самых разных уровнях.

¹ Станиславский К.С. Воспоминания о С.И. Мамонтове, прочитанные на гражданских поминках в Московском художественном театре. Цит. по: Мамонтов В.С. Воспоминания о русских художниках. М., 1950. С. 60.

² Зилоти В.П. Указ. соч. С. 114.

Так, семейства Третьяковых и Мамонтовых состояли в тесном родстве: В.Н. Третьякова была двоюродной сестрой С.И. Мамонтова. Свидетельства современников подтверждают: отношения между семьями были не просто родственными, но и дружескими. В.М. Васнецов, перечисляя людей, в течение 15-ти лет всякое Рождество собиравшихся под кровом Мамонтовых, сообщает: «каждый год я встречаю здесь Третьяковых, так беспримерно послуживших русскому искусству»¹. О «дяде Савве» и беззаботной абрамцевской жизни пишет В.П. Зилоти². Более рассудительная А.П. Боткина приводит краткую хронику жизни своих предков-Мамонтовых³.

Как толмачевские вечера, так и мамонтовский кружок двигались по направлению к одной цели. Они спланировали художественные силы в Москве, создавая своего рода идеологический противовес Петербургу. Это давало творческую подпитку «народным духом»: еще в 1846 году западник В.Г. Белинский писал: «может быть, назначение Москвы состоит в удержании национального начала», – и ровно так же смотрели на миссию первопрестольной видные славянофилы. Толмачи и Абрамцево давали художнику возможность воспарить над обыденностью, над ремеслом, освобождая его от обычных ограничений со стороны государства и заказчика-дворянина и, банально, от недостатка средств к существованию. Оба объединения позволяли творцу в полной мере

¹ Речь В.М. Васнецова, произнесенная на собрании Мамонтовского кружка в доме С.И. Мамонтова в Москве в день празднования 15-летней годовщины мамонтовских спектаклей. Москва. 1 января 1893 // *В.М. Васнецов. Указ. соч.* С. 108.

² *Зилоти В.П. Указ. соч.* С. 98–101 и др.

³ *Боткина А.П. Указ. соч.* С. 59–61.

реализовать свой художественный дар. В атмосфере взаимного обогащения идеями и опытом рождалась та самая соборность, которую славянофилы еще в 1840-х годах выдвинули на общественное обсуждение в качестве идеала. Разумеется, личные цели и личные пути любого сколько-нибудь значительного художника отличаются от тех, которые исповедуют его товарищи. Но тем с большей отдачей обменивались участники Замоскворецко-абрамцевского художественного сообщества новыми идеями, образами, средствами их воплощения. Дружественное со-творчество многих талантливых людей рождает гениальные творения, вроде Абрамцевского храма, – и целые направления в искусстве.

И, наконец, еще одно соображение. Очевидна внутренняя связь мамонтовского и третьяковского объединений. Возникли они в один год, и наибольший интерес их участники проявляли к художественной и, затем, к музыкальной деятельности. Вполне вероятно, что на становление художественных пристрастий Саввы Ивановича (рубеж 1860–1870-х) повлияли увлечения Павла Михайловича, его художественные вкусы, уже сложившиеся к этому времени. Косвенным свидетельством этого является два факта. Во-первых – совпадение состава участников объединений. Живописцы-завсегдатаи музыкальных вечеров в Толмачах составляли и костяк Абрамцевского кружка. Во-вторых, талантливая молодежь, которую особо выделял Третьяков, входила в кружок Мамонтова – и наоборот. По свидетельству Н.А. Мудрогеля, Третьяков, «...постоянно бывая на учебных выставках, ... знакомился с молодыми художниками еще на школьной скамье, покупал их ранние работы»¹.

¹ Мудрогель Н.А. Указ. соч. С. 59.

Находил юные таланты и Мамонтов. Оба они с интересом следили за творческим ростом В.М. Васнецова, И.И. Левитана, В.А. Серова, И.С. Остроухова, К.А. Коровина. Оба принимали в этом росте деятельное участие.

Кажущаяся самодостаточность двух художественных объединений, их «островное» положение в море культуры – это всего лишь иллюзия. Толмачи и Абрамцево не просто были соединены прочным мостом. Они образовывали единое художественное пространство. Это пространство было организовано так, чтобы сосредоточить все силы художника на творчестве. Это было пространство творческой свободы, находясь в котором, творец чувствовал дружескую поддержку и мог не опасаться за завтрашний день. Колоссальный рывок в росте отечественной культуры был осуществлен благодаря усилиям его создателей.

Русский стиль в России развивался еще со времен Александра I. Развивался по указке со стороны государства, долго и мучительно. Но лучшие его образцы появились лишь тогда, когда купечество вложило в это направление свои знания, свои художественные предпочтения – и свои деньги. Созданная купцами среда взрастила то поколение художников, которое сумело прорваться сквозь изысканную сложность декора и прозреть русский стиль изнутри в его первоизданной простоте. Весомая заслуга в этом принадлежит П.М. Третьякову и С.И. Мамонтову. Оба они на протяжении всей жизни искали возможность вдохнуть новую жизнь в русское искусство, наполнить его национальным духом. М.В. Нестеров писал: «...кому не приходила мысль о том, что, не появившись в свое время П.М. Третьяков, не отдайся всецело большой идее, не начни собирать воедино русское искусство, судьбы его были бы иные: быть

может, мы не знали бы ни “Боярыни Морозовой”, ни “Крестного хода”, ни всех тех больших и малых картин, кои сейчас украшают знаменитую Государственную Третьяковскую галерею»¹. Русского стиля, который знаком всей образованной России в том виде, в каком он был создан В.М. Васнецовым, М.В. Нестеровым, В.И. Суриковым, а затем их последователями: П.Д. Коринным, И.Я. Билибиным, возможно, не существовало бы, если бы не Третьяков и Мамонов.

2011

¹ *Нестеров М.В.* Давние дни: Воспоминания, очерки, письма. Уфа, 1986. С. 443.

«ЩУКИНСКИЙ» ОСОБНЯК: РУССКИЙ СТИЛЬ ПО-КУПЕЧЕСКИ

Ученые любят поспорить: над мотивацией поступков исторических личностей, над датировками событий, над правильной расстановкой вех, отмечающих те или иные исторические периоды. И все же они единогласно признают время правления Петра I водоразделом между старой и новой Россией. Теми распахнутыми настежь воротами, через которые много семян попало из Западной Европы на русскую почву. Одним из них, притом чуть запоздалым, стал романтизм. Дерево романтизма возрастало в России дольше, пускало новые побеги с **большим** трудом, нежели в Западной Европе. Тем не менее, оно проросло – и оказало огромное влияние на всю культурную жизнь Российской империи, принося уже «обрусевшие» плоды и в XIX-м, и в начале XX-го столетия.

Романтизм сыграл роль того русла, по которому устремился мощный поток переосмысления пройденного Россией пути, «припоминания» ее национальных черт, берущих начало из глубины веков, из дальней и почти уже сказочной допетровской эпохи. Процесс этот с переменным успехом шел на протяжении нескольких десятилетий – с середины XIX века до октября 1917 года. Романтики заново «открыли» для современников

историю России – не как историю монархов, но как историю творящего народа. Открыли – и преподнесли ее в новом, переосмысленном виде. Именно под лупой романтизма стало вдруг отчетливо видно: в России не хватает России, в православной стране – православия. Поиск «национального», самобытно русского, шел во всех направлениях. В литературе обратились к русским сюжетам В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь и Н.С. Гумилев. В живописи – О.А. Кипренский, В.И. Суриков, А.Г. Венецианов, В.М. Васнецов. В музыке основы национального стиля заложили композиторы, входившие в знаменитое сообщество Могучая кучка: М.А. Балакирев, А.П. Бородин, Н.А. Римский-Корсаков, М.П. Мусоргский.

В архитектуре же результатом особенно долгого и мучительного поиска стало возникновение «русского» стиля.

Говоря о русском стиле, выделяя вехи в его развитии, обычно пользуются приставками: «псевдо-», «нео-» и даже эпитетом «петушиный» стиль. Между тем, лучшие его образцы заставляют усомниться: а столь ли необходимо приносить этот стиль, отбирать у него право на самостоятельное, не-вторичное существование? Мало кто усомнится в самобытности, в гармоничной красоте таких памятников архитектуры, как храм Спаса Нерукотворного образа в подмосковном Абрамцеве – или особняк И.Е. Цветкова на Пречистенской набережной Москвы-реки, здания Шамординской пустыни, что под Козельском, – или Марфо-Мариинская обитель на Большой Ордынке. Между тем, эти – и многие другие – памятники архитектуры являются звеньями одной цепи, компонентами единого архитектурного порыва многих мастеров.

Поиски национального стиля в архитектуре так же, как романтические искания в литературе, живописи и музыке, заставляют зодчих обратить особое внимание на постройки

допетровской эпохи, особенно – XIV–XVII веков. А взглядевшись, заимствовать оттуда, помимо конкретных приемов и деталей, самую суть старорусского зодчества. Видный историк, один из теоретиков русского стиля И.Е. Забелин особенно ценил в народном зодчестве «характер леса», ту много-составность русских строений, которую он считал идеальным выражением русского духа. Так, собор состоит из нескольких небольших храмов, а хоромы, деревянные или каменные, – из ряда построек. «Старинные русские хоромы, выросшие органически из крестьянских клетей... сохраняли в своем составе и тот облик красивого беспорядка, каким вообще отличается деревенское строение».

Не только зодчие, не только теоретики культуры влияли на облик городской застройки, на претворение в жизнь той или иной архитектурной теории. В городской архитектуре второй половины XIX века происходили масштабные изменения. И во многом они были обусловлены тем, что... пришел новый заказчик. Если раньше тон в градостроении задавало государство с его требованиями регулярности и типовой застройки, или же богатая аристократия с ее особняками на европейский лад, то теперь заказчиками становятся выходцы из самых разных слоев общества: купцы, мещане, а также научные и благотворительные общества, клубы, музеи. У каждого заказчика – свой вкус, свое архитектурное **видение** и – четкое понимание того, для каких нужд должно быть приспособлено строящееся на их средства здание. То или иное строение теперь не только должно отличаться внешним изяществом, не только вписываться в общий ритм города, но и быть функциональным. То есть – максимально подходящим для выполнения той или иной «работы». Впервые появляются специальные здания для музеев,

выставок, в корне отличные от жилых или, к примеру, больничных помещений.

Старая Москва – та, что ныне сохранила еще свои форпосты в Замоскворечье, на Большой и Малой Никитских, в арбатских переулочках, – во многом обязана своим обликом кошельку и эстетическому чувству московского купечества. Тем самым Мамонтовым, Рябушинским, Солодовниковым, Перловым, которые не уставали жертвовать деньги на приюты и церкви – и с которыми так бесцеремонно обошлась советская власть.

Одним из купцов, не только запечатлевших в камне собственные представления о прекрасном, но и внесших немалый вклад в эстетическое обновление родного города, был Петр Иванович Щукин. Родился он в 1853 году. Родителями его были Екатерина Петровна (урожденная Боткина) и Иван Васильевич Щукин, московский купец первой гильдии, крупный общественный деятель, добрый православный. В семье было одиннадцать детей – четыре дочери и семь сыновей; пятеро из них стали коллекционерами предметов искусства. Родители дали Петру, третьему по старшинству сыну, прекрасное образование – схожее с тем, которое получали отпрыски дворянских семейств. Сначала были домашние занятия с гувернерами, потом – обучение в Бемской школе Выборга и петербургском пансионе Гирста и, наконец, получение практических навыков в заграничных торговых домах. Кроме того, Щукин-младший, принадлежавший к высшему, наиболее культурному, слою московского купечества, с детства вращался в особой среде, пронизанной родственными, дружескими, деловыми связями между представителями крупнейших предпринимательских семейств. Так, Боткины, а через них и Третьяковы, Мамонтовы были родственниками Щукиных, а ближайшим другом Ивана Васильевича был видный

книгоиздатель и меценат К.Т. Солдатёнков. Это были те люди, благодаря которым во второй половине XIX столетия картинные галереи, музеи, публичные библиотеки становятся нормой общественной жизни. Не просто нормой – насущной потребностью. И, как брошенный в озеро камень распространяет круги по водной глади, так и богатейшие купцы, составив наиболее значительные в Москве художественные собрания, повлияли на вкусы следующего поколения молодых коммерсантов.

Петр Иванович еще мальчишкой бегал смотреть новые приобретения П.М. и С.М. Третьяковых, регулярно бывал в Боткинской и Солдатёнковской галереях. Живой ум Щукина с детства впитывал новые знания и красоту высокого искусства. Сложившись вместе, все эти влияния имели общий результат: коммерсант и потомок коммерсантов, П.И. Щукин стал в середине 1870-х годов оставлять собственное собрание редких вещей – и не оставлял этого начинания до конца дней своих. Им овладела настоящая страсть коллекционирования.

Поначалу хаотичное, собрание Петра Ивановича мало-помалу приходило к определенной системе. Сначала Петр Иванович собирал преимущественно предметы западного искусства, с 1880-х годов – восточного. А затем ему в голову пришла идея: сопоставить Восток и Запад и – сравнить их влияние на русское искусство. К началу 1890-х годов идея эта обрела для него особую ценность. Отныне его коллекция пополняется в основном «предметами русской старины» и памятниками прикладного искусства XVII-го – первой четверти XIX века. Были в Щукинском собрании и вещи от других эпох, но именно этот период более всего привлекал внимание коллекционера. Каких только разделов не было в собрании Щукина! Серебряные и деревянные изделия, ткани и керамика, предметы церковной утвари и оружие,

рукописи и документы эпохи Отечественной войны... Коллекционер А.П. Бахрушин писал о нем: «Щукин Петр Иванович – серьезнейший собиратель из всех мне известных, потому что он не собирает ничего, предварительно не собравши об этом предмете целую библиографию и не изучивши его по книгам». И до сих пор сотрудники отдела дерева Исторического музея наставляют пришедших на практику студентов: «если вы найдете на предмете литеру “Щ” – “Щукин”, это – гарантия того, что вы держите в руках вещь первоклассного качества».

Собрание Щукина неуклонно разрасталось, и держать его в жилом, непригодном для музейных нужд доме стало небезопасным. Поэтому в начале 1890-х годов, вскоре после кончины отца, Петр Иванович покупает деревянный дом с большим участком на Малой Грузинской улице в Москве и начинает отделывать по своему вкусу.

А вкус этот диктовал: рядом со старым деревянным строением надо возвести дом-сказку. Не просто каменное здание со складом, обеспечивающее музейным экспонатам должную сохранность и возможность показать их в выгодном свете, нет. Музей – его внешний облик, его интерьеры – должен был стать той средой, которая являлась бы естественным продолжением коллекции, передавать самый дух старомосковской (допетровской) эпохи. Русский стиль для этого подходил, как никакой другой.

Архитектором, призванным воплотить в жизнь эту задумку, Петр Иванович избрал выдающегося мастера конца XIX века Бориса (Бернгарда) Викторовича Фрейденберга. И не прогадал.

К тому времени по проекту Фрейденберга были построены Петровские линии и дом Купеческого общества, ряд доходных домов, начато строительство Бахрушинской

больницы (совместно с М.Н. Чичаговым). Ему же принадлежал проект здания городской думы в Москве. Позднее Фрейденберг будет участвовать в возведении комплекса Сандуновских бань. А в 1892 году он проектирует здание Щукинского музея. Проект этот, будучи представлен в том же году на архитектурной выставке в Петербурге, удостоился Высочайшего одобрения. На него обращает внимание император Александр III, который проявляет интерес и к самому музею. Рисунок музея публикуется в английском журнале “Annual Architectural Review” (1892), а затем – в российском архитектурном журнале «Зодчий» (1893).

Здание музея, будучи столь же гармоничным, как и прочие постройки Фрейденберга... совершенно на них не похоже. Это неслучайно: заказчик принимал в его проектировании ничуть не меньшее участие, чем сам архитектор.

Строительство музея велось с мая 1892 по сентябрь 1893 года. На лето 1892-го приходятся совместные поездки П.И. Щукина с Б.В. Фрейденбергом и художником О.А. Леве в Ярославль, а затем – с одним Леве – также в Ростов. Щукину хотелось, чтобы здание как во внутреннем, так и во внешнем своем облике было «археологически достоверным». С этой целью тщательнейшим образом изучались гражданские и церковные здания Московского государства XVI–XVII столетий. Все архитектурные детали, вся орнаментация были разработаны Петром Ивановичем по образцам, взятым из декоративного убранства старомосковских памятников. В ряде случаев они являются копиями предметов из его собственной коллекции. Так, одна из росписей повторяет живописный декор жалованной грамоты, выданной в 1710 году. К сожалению, эта роспись, как и другие, в советское время обернулась незамысловатым оштукатуренным потолком...

«При кладке здания все каменные украшения тесались из кирпича или мячковского камня, как это делалось в старину. В кокошнике главного фасада вставлено большое барельефное изображение единорога... Для большой подвески на крыльце моделью послужила подвеска в церкви Иоанна Предтечи в Ярославле... Балкон бокового фасада скопировали с балкона в доме бояр Романовых, что в Москве, на Варварке... Сводчатый потолок библиотеки расписан наподобие небесного свода – синей краской с золотыми солнцем и звездами и серебряным полумесяцем» – писал впоследствии сам Щукин.

Вход в здание украшен кирпичной крытой папертью (крыльцом) с резными колонками, шатром и кокошниками, какие очень любили в XVI–XVII столетиях. Крупные, разных видов окна оформлены наличниками с затейливой каменной резьбой. На фасаде – квадратные ниши с цветными изразцами, без которых не обходилась ни одна старомосковская постройка, если ей хотели придать роскошный вид. Нижняя часть фасада отделана рустом – наподобие Грановитой палаты Московского кремля. А главный объем устремляет ввысь теремную, изящно выгнутую крышу, столь милую зодчим, возводившим деревянные церкви русского Севера.

Не зря проект «старого» здания Щукинского музея привлек внимание образованной публики. Ведь на свет появились те самые русские хоромы, которыми так восхищается И.Е. Забелин! Многосоставные. Предивно украшенные. Плоть от плоти деревянных построек русской старины. Щукин должен был волевым решением отойти от художественных предпочтений своего времени, окунуться в мир древних зодчих, чтобы построить терем, буквально дышащий русскими мотивами. Подобно васнецовским полотнам, он передает дух эпохи, не копируя полностью ее внешних

форм. Здание Щукинского музея является удачной фантазией на тему старины, соединяя в себе элементы как церковных, так и светских построек времен Московского царства.

Это не терем XVII века, это – возвышенная сказка, действие которой происходит в стародавние времена – когда птицы Сирин и Алконост, львы и единороги являлись не менее важной частью жизни, чем подвиги былинных богатырей. Это светлое воспоминание о древних корнях своих. Это летопись, «в лицах», созданная в век печатных станков.

Впоследствии, когда собрание расширится еще больше, П.И. Щукин построит второе здание для музея, соединенное, по совету художника В.В. Верещагина, крытым ходом с первой постройкой (1898). К сожалению, Б.В. Фрейденберг не мог принять участие в новом строительстве. В ходе постройки Сандуновских бань (1894–1895) он из-за конфликта со взбалмошным заказчиком (А. Н. Ганецким) был вынужден разорвать контракт и покинуть Москву. Поэтому второе музейное здание возводилось по проекту А.Э. Эрихсона. Адольф Эрнестович – не менее талантливый архитектор, чем Фрейденберг, он построил десятки домов по всей Москве. Вот только... ему пришлось идти по стопам предшественника. Не копируя его, создать здание в том же русском стиле, которое вписалось бы в общий музейный комплекс – и вместе с тем стало бы воплощением собственного творческого **видения** зодчего.

«Новое» здание музея, построенное Эрихсоном, выходя на «красную линию» Малой Грузинской улицы, первым предстает взору посетителя. Оно являет собой столь же яркий образец русского стиля. Разве что... сказки в нем чуть поменьше. Это спокойный, солидный дом, всем своим обликом показывающий основательную житейскую крепость.

Строительство всего комплекса завершается в 1905 году, после возведения одноэтажного музейного склада (по проекту Ф.Н. Кольбе). В этих трех зданиях и разместилась богатая шукинская коллекция, представляющая, как отмечают современники, большой интерес и для исторической науки, и для изучения старой русской письменности.

В 1895 году музей был открыт для посетителей. Ежедневно, с 10 до 12 часов, Петр Иванович сам встречал пришедших людей и водил их по музею, «с просвещенною любезностью» давая объяснения. В музей приходили заниматься историки, художники, архитекторы – все те, кого живо интересовала отечественная «старина». А в 1905 году Петр Иванович передает свой музей вместе со всеми постройками в дар Российскому (ныне – Государственному) историческому музею, до самой смерти своей в 1912 году оставаясь бессменным его хранителем. Ныне в усадебном комплексе Щукина на Малой Грузинской, 15 находится Биологический музей имени К.А. Тимирязева.

Он является одной из драгоценнейших жемчужин старой Москвы и прекрасным образцом романтического русского стиля в московской архитектуре. Прекрасный порыв к национальному и религиозному возрождению, остановленный печальными событиями 1917 года, навсегда запечатлен в лучших памятниках русского стиля. Среди всех гражданских построек Москвы, может быть, именно Щукинский особняк отразил его в наиболее совершенной, концентрированной форме.

КНИЖНЫЕ СТРАСТИ. МОСКВА БЕЗУМНЫХ БУКИНИСТОВ

Коллекционеры бывают разные. Одни собирают предметы «для себя», ничуть не желая делиться с окружающими даже их внешним видом. Другие охотно делятся приобретенными в погоне за вещью знаниями, а порой и самими вещами. Под конец жизни они иногда в благородном порыве отдают свое собрание в дар музею, галерее, городу. Одними в их коллекционерской деятельности движет желание быть хозяином, полноправным обладателем редкой вещи и, тем более, собрания, другими – стремление создать наиболее совершенную коллекцию, в которой были бы представлены лучшие образцы, настоящие шедевры. Так или иначе, настоящий коллекционер – это человек, одержимый страстью к вещам. К старинным гравюрам и современным картинам, к монетам и орденским знакам, к иконам или – к книгам.

Книга всегда занимала особое место в жизни русского человека. Во-первых, потому, что в старину книги были несусветно дорогими. Во-вторых, потому, что книга была своего рода олицетворением мудрости. «Иной раз дивишься – неужто у человечества на все книги мозгов хватает? Мозгов столько нет, сколь книг!» – говаривали в народе. Действительно, старинная

книга – рукописная или старопечатная, в добротном переплете, делавшаяся долго и с большим тщанием – была средоточием народного ума или же сакральной евангельской истины. И – предметом благоговейного почитания со стороны потомков. «В старой антикварной книжке особый вкус, аромат для понимающего, сердце от нее в груди екает. Пыльца в страничках лучше, как запах в букете цветов. Правое слово мое! Раз понюхал и до смерти отравился. Погиб человек! Пальто себе не купит, а книгу не выпустит», – со знанием дела утверждали московские букинисты начала XX столетия.

Книжные развалы и магазинчики уже в XVIII веке стали столь же естественной частью старой Москвы, как купола кремлевских соборов или Китайгородская стена, как древние обители или запечатлевшиеся в названиях московских улиц бесчисленные городские сады и огороды. Историк-бытописатель М.И. Пыляев пишет среди посвященных XVIII столетию анекдотов: «В елисаветинское время торговали бумагою, церковными книгами, немецкими потешными картинками, ... картами в Овощном ряду, потом на Спасском мосту, где первый из русских букинистов, Игнатий Ферапонтов, начал производить торг старинными книгами и рукописями». Строго говоря, интерес к старинной книге появился одновременно с церковным «расколом» середины XVII века. Все церковные книги от времен патриарха Никона и позднее казались им «ложными». Но то был интерес религиозных людей, желающих иметь в своем доме «правильную» книгу из чисто практических соображений: дабы общение с Богом не искажалось по причине внесенных в текст «новин». Целые собрания старинных книг и икон составлялись в домах крестьян и купцов-старообрядцев. Антикварная же торговля книгами – то есть торговля ими как произведениями искусства

и, одновременно, предметами старины, – начавшись с одной лавочки, разрослась до размеров настоящего букинистического мира со сложными правилами и колоритными персонажами. Немало чернил потратили современники и историки на описание книжных лавок и рядов, на изображение их обитателей, на рассказ о тех страстях, что выливались в настоящие книжные «войны» между покупателями и продавцами.

Первые по-настоящему крупные собрания старинных книг и рукописей составились в среде московской знати на рубеже XVIII–XIX веков. На это же время приходится настоящий бум фальсификаций: интерес к старинной книге вызвал естественное желание заработать на подделках. Некоторые из них были столь искусны, что ценятся ныне не меньше оригиналов. Иные – достаточно безобидны: «Грамота бы интересная – петровская, да подписи самого нет. Отнеси к старику Петрову в Леонтьевский – он подпишет, и цена будет» – записывал в книжных рядах собиратель городского фольклора Е.П. Иванов.

По сведениям знатока московской старины А.Ф. Малиновского, крупнейшими книжными коллекциями обладали в начале XIX века князь Д.В. Голицын, граф А.К. Разумовский, граф Д.П. Бутурлин. Первым двум собраниям повезло пережить наполеоновское нашествие, в то время как библиотека Д.П. Бутурлина была превращена в пепел московским пожаром 1812 года. Ее участь разделило известнейшее собрание графа А.И. Мусина-Пушкина. А ведь именно в его недрах хранились оригиналы «Слова о полку Игореве» и «Поучения Владимира Мономаха», а также многие ценнейшие рукописи, так и не дождавшиеся момента своей публикации. Кстати, споры о том, сколь древним является «Слово о полку Игореве», не утихают в ученых кругах и по сей день.

Одно из знаменитейших книжных собраний составил в первой половине – середине XIX века выходец из старинного русского дворянского рода А.Д. Чертков – российский археолог, нумизмат, действительный член Петербургской АН (1842). Согласно завещанию библиофила, его сын Г.А. Чертков открыл в первую в России бесплатную частную библиотеку, названную по имени основателя Московской городской Чертковской публичной библиотекой (1863–1873, затем передана в дар городу Москве).

Сама по себе букинистическая Москва конца XVIII – начала XIX столетий – явление заметное, но она оставила по себе мало воспоминаний очевидцев. Этот период и вполнину не столь ярко освещен, как середина XIX – начала XX веков – время, когда составление библиотек перестало быть прерогативой богатейшей и образованнейшей знати. Ведь хорошее образование становится уделом не одних лишь отпрысков дворянских семейств, но и богатых купцов, да и горожан победнее. Собираением книг, наряду с владельцами «крепостных душ» теперь занимаются крупные коммерсанты – хозяева новейших фабрик, заводов, прибыльных торговых домов. Кроме них, в недра книжного мира пробивается народ попроще: представители разночинной интеллигенции, небогатые городовые «обыватели», оборотистые крестьяне. Причем среди последних доля старообрядцев была не столь уж велика...

Вот как выглядела книжная торговля на рубеже 1850-х – 1860-х годов: «Под сводчатыми воротами некоторых домов, выходивших на улицу, обыкновенно торговали книгами, литографиями и лубочными картинками, что придавало мрачным воротам веселый вид... Иногда под воротами можно было купить и редкую книжку». Этот отрывок сохранила для

потомков память купца, крупнейшего коллекционера, создателя музея «Российских древностей» П.И. Щукина.

Книжным сердцем Москвы в этот период была Никольская улица – та самая, на которой с середины XVI века располагался главный поставщик отечественных книг, изготовленных типографским способом, – Московский печатный двор. На Никольскую переместился основной книжный торг, ранее ютившийся «близ Спасского моста» (неподалеку от Спасской башни Кремля). Здесь он просуществовал вплоть до Первой мировой войны: «Неказисты были эти холодные, неотопливаемые лавочки в “Проломе”, но коллекционерам они были дороги, так как иногда они находили там редчайшие вещи», – писал П.И. Щукин в начале 1910-х годов. Проломные ворота – одни из ворот Китайгородской стены, которые на протяжении своей истории то «проламывались» для проезда, то вновь закладывались на случай подхода к Москве неприятельских войск. Именно здесь на рубеже веков обитали типичнейшие букинисты, чьи имена можно встретить на страницах воспоминаний самых разных людей. Один из таких букинистов – Афанасий Афанасьевич Астапов. «Небольшого роста, горбатый, сам страстный любитель книг, хорошо знал многих русских библиофилов, о которых любил рассказывать», – так характеризовал его П.И. Щукин. Шуточный отзыв об А.А. Астапове приводит Е.П. Иванов: «Про него говорили: “Святой сиделец Проломных ворот, преподобный девственник отец Афанасий”. Происходил он из серпуховских крестьян, был человеком начитанным, любившим свое занятие, и слыл мастером “по-умному” поговорить. Его деревянная, не отапливавшаяся в зимнее время лавочка считалась местом собраний самых культурных людей того времени».

«Китайгородская стена, Ильинские ворота, Никольский угол, Ильинский бульвар – хорошо известные для старого московского букиниста места. Вдоль всей Китайгородской стены тянулся ряд мелких лавочек книжных торговцев. Они прилеплялись к нишам стен, вылезали из всех уголков, щелей и трещин... самым типичным из них был знаток лицевых и старописных книг Большаков. Прекрасная модель для живописца, интересовавшегося раскольничьим бытом... В музеях немало предметов, получение которых связано с его именем», – пишет Е.П. Иванов. В.А. Гиляровский тоже был знаком с Большаковым: «На углу Новой площади и Варварских ворот была лавочка Рогожского старообрядца С.Т. Большакова, который торговал старопечатными книгами и дониконовскими иконами. Его часто посещали ученые и писатели. Бывали профессора университета и академики». Не обошел Большакова стороной и П.И. Щукин: он «принадлежал к самым типичным антикварам, каких я знал. Ходил он обыкновенно в черном поношенном сюртуке, который носил, как он сам говорил, уже 25 лет. Сергея Тихоновича, несмотря на его почтенные годы, часто можно было встретить на улице с тяжелым мешком, перекинутым через плечо... При продаже вещей Сергей Тихонович имел обыкновение говорить что-нибудь лестное своему покупателю, например, если И.Е. Забелин (историк Москвы, профессор – *М.Д.*) торговал у Сергея Тихоновича какую-либо вещь, то последний говорил: “Вчера упоминалось ваше святое имечко”, на что Иван Егорович шутя отвечал: “За лесть прибавлю рубль”».

Единственной женщиной Москвы, посвятившей себя букинистике, была М.П. Лукина, торговавшая учебниками для средней и высшей школы и художественной литературой. Про нее говорили: «Фельдмаршал Суворов по делу».

Вообще, букинисты представили московским бытописателям немало любопытных типов. «Бессребренников» вроде П.Ф. Яковлева – и любителей прибавить цену, как это делал П.П. Шибанов. Людей честных и богобоязненных, вроде А.В. Гладкова, – и авантюристов – таких, как какой-нибудь мелкий офеня или продавец «пачечной липы» Илья по прозвищу Пачечник. («Пачечная липа» производилась так: скупалось большое количество макулатуры, которая затем переплеталась наподобие книг и снабжалась несоответствующей содержанию этикеткой; изделия увязывались пачкой и продавались оптом, по сходной цене.) Сами продавцы «лип», «разнобоя», и другие любители провести незадачливого покупателя относились к своему ремеслу спокойно: «Переплет, верно, что не ее, да разве в этом роль какая драматическая?». «Позвольте прикурить? Я вам продам “Трех мушкетеров” Дюма. Не желаете?.. Могу двух отделить, мне все равно. Хоть одного возьмите!..» «В цене не обман, а торговая хитрость! Кто не знает – не ходи покупать» (цитаты из книги Е.П. Иванова).

Еще одним местом букинистических «боев» была «Сухаревка», или площадь перед Сухаревской башней, где кипел воскресный торг. При этом букинисты и антиквары считались «аристократической» частью Сухаревки. Вот как описывает ее порядки Е.П. Иванов: «День Сухаревки сумбурный, крикливый, для многих бестолковый. В четыре часа ее староста Иван Матвеевич Груздев звонит в “Вечевой” колокол, извещая о конце рыночной продажи. Все складываются и разбредаются по трактирам и чайным “на беседу” или “на обмен мнениями”. Е.П. Иванову вторит В.А. Гиляровский: «В те времена палаток букинистов было до тридцати. Здесь можно было приобрести все, что хочешь. Если не найдется нужный том какого-нибудь разрозненного сочинения,

только закажи, к другому воскресенью достанут. Много даже редчайших книг можно было приобрести только здесь. Библиофилы не пропускали ни одного воскресенья. А как к этому дню готовились букинисты! Шесть дней рыщут – ищут товар по частным домам, усадьбам, чердакам, покупают целые библиотеки у наследников или разорившихся библиофилов, а «стрелки» скупают повсюду книги и перепродают их букинистам... Каждый постоянный покупатель знал каждого букиниста и каждый букинист знал каждого покупателя: что ему надо и как он платит». Помимо собственно торговых мест, у букинистов существовали свои биржи. Они располагались в трактирах: «Орел» – на Сухаревской площади, трактир Абросимова – на Малой Лубянке. Продавцы Сухаревки собирались в них на протяжении целой недели, отделяющей один воскресный торг от другого. Здесь между ними происходили совещания, устанавливался общий курс на «спросовую» книгу, нередко сюда заходили и коллекционеры.

Покупатели на Сухаревке и на Никольской тоже бывали разные. Одни из них – люди состоятельные, вроде князя С.М. Голицына, составившего редчайшую библиотеку в доме-музее на Волхонке, или А.П. Бахрушина, собиравшего преимущественно отечественные издания. Книга Бахрушина «Из записной книжки А.П. Бахрушина» (она же «Кто что собирает», 1916), посвященная будням коллекционеров, по сведениям Алексея Венгерова, сама нынче является раритетной. Были, напротив, небогатые покупатели, часто из числа студентов; такие брали книгу в долг и постепенно выплачивали. Встречались и чудачки. «Ест на книгах, спит на книгах, в горнице – проходу нет, а жена сбежала со страху. И впрямь сумасшедший!» Библиофил, потомственный почетный гражданин Ф.Ф. Мазурин, «всегда угрюмый

и плохо одетый... по целым дням рылся в книжных лавках, причем иногда незаметно вырывал из редкой книги лист или два, чтобы ее обесценить и купить подешевле, а при случае и воровал... Жил Федор Федорович в своем доме... окруженный котами и кошками, коих называл по имени и отчеству и с коими не брезговал есть из одной посуды». Рядом со знатоками встречались люди случайные. Таких продавцы не уважали. «Есть покупатель на готовую коллекцию. Это не любитель, не знаток книги, а фантазер, хвостун, или деньги некуда девать! Не умом собирает, а карманом». Особым уважением букинистов пользовались профессора И.Е. Забелин, Н.С. Тихонравов и Е.В. Барсов.

За годы Первой мировой, а затем и Гражданской войны букинисты «Пролома» и «Сухаревки» канули в прошлое – как и вся дореволюционная Москва с ее неповторимым бытом. Но традиции московской букинистической ойкумены не были забыты. На смену старой Москве пришла новая, вместо лавочек и палаток букинистов возникла «Книжная лавка писателей», о которой подробно говорится в фундаментальных изданиях Алексея Венгерова. Первая лавка возникла в 1918 году, в Леонтьевском переулке. «В число ее пайщиков входили известные литераторы и ученые – М.А. Осоргин, В.Ф. Ходасевич, Б.К. Зайцев, Н.А. Бердяев, П.П. Муратов и др. Встать за прилавки и торговать своими книгами их вынудила жестокая необходимость: добыть пропитание литературным трудом было тогда практически невозможно». В 1929 году один из самых известных московских букинистов Д.С. Айзенштадт организовал кооперативную Книжную лавку писателей. В 1931 года она была передана писательским организациям «с целью обеспечения литераторов и научных сотрудников необходимыми для их

профессиональной работы книгами». Польский писатель-коммунист Бруно Ясенский писал в 1935 году: «...Зайдите в дни самых яростных литературных боев в нашу Книжную лавку, и вы застанете там представителей всех враждующих сторон, мирно занятых выживанием желанных книг». Здесь составили богатые библиотеки многие советские писатели, в том числе Демьян Бедный, Н.П. Смирнов-Сокольский.

Нынче Книжную лавку, с конца 1950-х прописавшуюся по адресу «Кузнецкий мост, 18», сложно назвать центром притяжения умов. Книга как таковая, в том числе старинная, привлекает к себе все меньше интереса. Бойко функционирует разве что книжная лавочка старообрядческой Никольской церкви, что находится рядом с Белорусским вокзалом. Тем не менее, старая книга не утратила ни ценности своей, ни привлекательности. Еще ездят в северные деревни отряды археографов, еще расшифровывают дотошные историки старинные манускрипты. Книга потеряла массового читателя, но любители на нее всегда найдутся. Ведь страсть – как огонь: может гореть, а может теплиться под слоем почвы. Томиться там, чтобы когда-нибудь вновь взметнуться ввысь.

МОСКОВСКАЯ ПОДЗЕМКА ВРЕМЕН «ПРОЛЕТАРСКОЙ НЕОКЛАССИКИ»

Московский метрополитен известен по всему миру. Миллионы иностранцев, путешествуя по Москве, помнят: нужно успеть посмотреть Кремль, побывать на Красной площади, на Воробьевых горах и... в вестибюлях московской подземки. Естественно, интерес вызывают далеко не все станции. Вряд ли экскурсоводу придет в голову показывать туристам «Беляево», «Сходненскую», «Академическую» или другие безликие залы, возникшие в конце 1960-х – в 1970-х годах. Зато неизменное внимание привлекают «Комсомольская», «Новослободская», «Маяковская» – все то, что было построено с начала 1930-х по середину 1950-х. Не столь уж многие станции, появившиеся в эпоху «поздней Империи» или в недавнее время, выглядят так же привлекательно в глазах гостей столицы. Что отличает «раннее» метро от его более позднего продолжения? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно отвлечься от истории строительства «подземки» с ее многочисленными проектами, траншеями и колоннами рабочих-метростроителей, отойти от схоластических споров о том, в каком архитектурном стиле оформлена та или иная

станция, – и посмотреть, какие идеологические конструкции нашли свое воплощение в их облике.

Само по себе строительство московской подземки было данью эпохе: бурная урбанизация требовала новых архитектурных и транспортных решений. К 1930-м годам метро имелось в крупных городах не только Великобритании, Германии, США и Японии, но также Аргентины и Испании. А в столице СССР к середине 1930-х годов транспортная проблема обострилась. У советского человека частного транспорта не было, а общественный – трамваи, извозчики и др. – со своими задачами уже не справлялся: людей в Москве стало намного больше, чем в 1913-м. Строительство подземных линий было призвано облегчить сложившуюся ситуацию. Но чисто утилитарная сторона метростроя была далеко не единственной.

Созданию московского метро придавалось колоссальное значение. В нем видели не только стратегически, но и – в меньшей мере – идеологически важный для советского руководства объект.

Во-первых, Москве, как столице Советского государства, отводилась роль «лаборатории» пролетарского строительства. Л.М. Каганович, возглавивший впоследствии строительство первой очереди московского метрополитена, на Пленуме ЦК ВКП (б) 1931 года заявил, что Москва должна стать «образцовым» городом. С этой точки зрения и нужно рассматривать и возникновение московской подземки: ей предстояло стать первым метрополитеном крупнейшего в мире социалистического государства. Первым не только по времени возникновения, но и по значению. Она должна была послужить ориентиром для всего последующего подземного строительства.

Во-вторых, для Советского руководства создание метрополитена было своего рода способом доказать всему миру:

советская власть обладает мощным управленческим, техническим, кадровым потенциалом, способно решать масштабные задачи, в том числе строительные – и делать это красиво.

Естественно, что и круг задач, и идеологические акценты со временем менялись. Отражая эти метаморфозы, преобразался облик столичной подземки.

Говоря о «сталинском» периоде строительства метро, следует выделять три этапа, три идеологических «волны», которые транслировались гражданам, среди прочего, и через интерьеры станций. Первый этап охватывает начало – середину 1930-х годов, следующий – вторую половину 1930-х, и, наконец, последний – 1940-е – начало 1950-х, то есть военный и послевоенный периоды (до смерти Сталина в 1953 году).

Многие станции на момент их открытия носили совсем иное название, чем то, под которым они известны сегодня. Дабы избежать лишней путаницы, автор этих строк будет приводить современные названия.

В первой половине 1930-х годов были заложены основы подземного зодчества. С одной стороны, развивалась техническая сторона строительства, были выработаны основные типы станций, а с другой – даны первые варианты их оформления. В этот период были построены часть Сокольнической линии (от станции «Сокольники» до «Парка культуры»), а также отрезок нынешней Филевской линии – от («Александровского сада» до «Смоленской»); весь этот участок был открыт под названием Кировско-Фрунзенской ветки в 1935 году.

Строительством тогда руководил лично Л.М. Каганович, чье имя московский метрополитен носил с 1935 по 1955 год – до переименования в метрополитен имени

В.И. Ленина. По воспоминаниям репортера газеты «Вечерняя Москва» А.В. Храбровицкого, роль Кагановича в разработке облика станций была если не решающей, то весьма большой: «Каганович инкогнито ездил в Берлин для изучения берлинского метро. Вернувшись, он говорил, что в Берлине входы в метро – дыра в земле, а у нас должны быть красивые павильоны».

Вид подземных залов призван был производить на посетителя определенное, заранее рассчитанное впечатление. Какой же облик им было решено придать? Первое, что бросается в глаза, когда смотришь на интерьер станций первой половины 1930-х: невозможно понять, в каком городе ты находишься. То же самое могло быть построено где угодно: в Петербурге, в Италии, в Германии. Даже красивейшие из первых станций – «Красные ворота», «Охотный ряд», «Комсомольская»-радиальная, «Кропоткинская» – наводят на мысли о том, что их облик... нарочито лишен национальных корней. В их оформлении нет ничего ни московского, ни русского – и это отнюдь не случайно.

Начало 1930-х годов – время, когда продолжалось активное наступление на «буржуазную» старину, искоренялось то наследие, которое оставили по себе «классово чуждые элементы»: дворяне, купцы, духовенство. Наступление это проходило при деятельном участии того же Кагановича. Шли под снос те здания церквей и старинных палат, монастырские комплексы, древние стены с воротами и башнями, прочие памятники столичной архитектуры, которые уцелели в бурных 1910–1920-х, но не вписывались в концепцию «новой» Москвы. Красной Москвы. Москвы – столицы многонационального советского государства, т.е. образца, которому могли бы подражать иноэтничные окраины.

Москвы – эпицентра будущей мировой пролетарской революции, пламя которой «сплотит рабочих всех стран ради установления всеобщей коммунистической цивилизации, бесклассовой и наднациональной».

Могли ли в эту эпоху появиться новые подземные сооружения, чье убранство напоминало бы о московской старине? Нет. Все национальное и – особенно! – русское отметалось как ненужный хлам. Установка на уравнивание национальностей в политике – с принижением роли собственно русского народа – означала и установку на общемировые ценности в области культуры. Требовалось создать новую классику – пролетарскую. И над этой задачей работали, не покладая рук, творцы «древнейшего» метро.

Как и многие поколения архитекторов, советские зодчие взяли на вооружение античные образцы: греческие, римские, египетские, – сочетая их с собственно советской символикой. Монументальные пилоны, строгие арки, вертикали колонн скупо дополняются звездами, пшеничными колосьями, серпами. Так, десятигранные столбы «Кропоткинской», расширяющиеся кверху наподобие египетских лотов, на своде станции раскрываются пятиконечной звездой. Капители колонн «Комсомольской»-радиальной украшены бронзовой эмблемой Коммунистического интернационала молодежи: на фоне знамени – пятиконечная звезда с аббревиатурой КИМ (впоследствии – ВЛКСМ). Им вторит первое в метрополитене панно из майоликовой плитки («Метростроевцы», художник Е.Е. Лансере). Как символ, так и панно были призваны подчеркнуть тот вклад, который в 1930-х комсомольцы внесли в строительство метрополитена. Несмотря на эти декоративные элементы, станция выглядит рационально, строго и в значительной мере «сухо». Даже интерьер

станции «Красные ворота», гораздо более «теплый», отмечает прочь всякие ассоциации с родной стариной. Ее кессонированный свод и строгие силуэты лишенных всякого декора арок могут навести на мысли о Римской империи, но никак не о победе русского оружия в Полтавской битве (1709). Эта станция – не столько напоминание о стоявшей на этом месте еще за несколько лет до ее строительства триумфальной арке, сколько воплощенная в камне мысль о победе пролетарской, «красной» революции в России.

Каждая из первых советских станций имеет «строгий, стройный вид». Во всем их облике прослеживается холодная рациональность: прямые линии, общий геометризм форм, аскетичность отделки говорят о господстве умственного над чувственным. Уходят вдаль шеренги колонн («Комсомольская», «Кропоткинская») или пилонов («Лубянка», «Охотный ряд», «Красные ворота» и другие) – либо, как на «Библиотеке имени Ленина», – ровные ряды перемежающихся шарами-светильниками кессонов над гладью пола. Ничего лишнего. Ничего, что говорило бы о привязке станции к конкретным историческим реалиям. Человеку, оставшемуся одному в пространстве высоких потолков и четких геометрических форм, неуютно. Ему словно бы говорят: ты – винтик в государстве, от тебя не ждут индивидуальности, ты должен делать то же, что и все: работать на благо советского общества. Во имя верной идеи тебя направят, куда потребуется...

Вторая идеологическая волна мощно изменила архитектурное оформление московского метро. Кто знает, возможно, не будь ее – и облик всех последующих станций повторял бы торжественно-шаговый ритм первых. Но... на международной арене происходили крупные перемены, и перед Советским

государством встала новая серьезная задача. После 1933 года, когда в Германии к власти пришел Гитлер, по всему миру разлилось напряженное ожидание масштабной войны. В подобных условиях грандиозное подземное строительство должно было продемонстрировать другим государствам мощь Советской державы. А заодно – напомнить гражданам, что родину надо защищать. Этой родиной стала советская империя, чей образ пришел на смену идеалам интернационализма и мировой революции. На свет появился так называемый советский патриотизм. И.В. Сталин так объяснял это понятие: «Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей Советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов...»

Тем не менее, важным идеологическим моментом стал перелом в отношении к собственно русскому народу, как составляющему *большую* часть населения СССР, а значит, потенциально – и *большую* часть советской армии. Русской истории вновь было дано право на существование. Восстановление ее преподавания в высшей и средней школе (с 1934), появление первого советского учебника по гражданской истории было призвано напомнить советскому народу, что у него есть славные моменты прошлого: выигранные сражения, великие полководцы, выдающиеся ученые и деятели культуры. Эта мысль транслируется через самые разные каналы. Снимаются историко-патриотические фильмы, в первую очередь – «Александр Невский» С.М. Эйзенштейна (1938). Празднуется 100-летняя годовщина смерти А.С. Пушкина. Проявляется интерес к жизни и творчеству

М.В. Ломоносова, Д.И. Менделеева и других крупнейших русских деятелей.

Еще одним каналом, транслировавшим населению «советский патриотизм», стали новые станции метро, открытые в 1937 и 1938 годах. Во вторую очередь московского метрополитена вошли станции Арбатско-Покровской линии «Площадь революции» и «Курская», отрезок Замоскворецкой линии от «Сокола» до «Театральной» (за исключением «Тверской»), а также станция «Киевская» нынешней Филевской линии. Их отделка кардинально отличается от отделки станций первой очереди. Возвеличивание разума сменяется воспеванием мощи советской империи. При том, что основа облика станций – пилоны, колонны, арки и цилиндрические своды – осталась прежней, сами станции оказывают на зрителя совсем иное впечатление.

Интерьеры станций второй половины 1930-х отличаются **б**ольшей пышностью оформления, **б**ольшим богатством форм и деталей: лепнины, скульптур, декоративных решеток, навесных и настенных светильников, игрой контрастных цветов в напольном покрытии. Даже станция «Киевская» Филевской линии, с первого взгляда похожая на станции первой очереди, отличается от них большей нарядностью: лепные колосья пшеницы на капителях колонн, контраст желтоватого и голубого мрамора, орнамент пола, похожий на яркое украинское полотенце-рушник. Не только архитекторы, но и скульпторы, художники и даже мозаичисты («Маяковская») объединяли усилия, пропагандируя культ сильного государства и сильных граждан. При этом основа внешнего облика той или иной станции трактовалась двояко, в зависимости от того, какие именно ценности следовало поднять на пьедестал.

Показу новейших технических достижений советского государства сопутствовали авангардные черты в интерьере станций. Так, станция «Аэропорт» своим динамичным оформлением напоминает салон самолета, декорирующие же ее свод перекрещенные дуги похожи на стропы парашюта. А в отделке «Маяковской» применены стальные детали, придающие ей эффектный техноромантический облик. Размещенные в нишах потолка мозаичные панно из смальты на тему «Сутки советского неба» (автор эскизов – А.А. Дейнека, исполнение – мастерская В.А. Фролова в Ленинграде) демонстрируют достижения советской авиационной промышленности. Мозаики «Маяковской» поражают богатством полутонов и мастерством исполнения – гораздо более высоким, чем майоликовое панно на «Комсомольской»-радиальной. Это – настоящее высокое искусство, выставленное в метро для обозрения граждан.

По второму пути, с использованием в основном классических решений и материалов, следовали те архитекторы, перед которыми ставилась задача прославления основных гражданских доблестей и культурных достижений советского государства. Так, на Площади революции представлены основные «добродетели» советского гражданина: готовность с оружием в руках сражаться за интересы государства, а также трудиться на благо общества, получать образование и развивать отечественную промышленность, вести здоровый образ жизни и создавать семью. Станция «Театральная» оправдывает свое соседство с Большим и Малым театрами: лавровые венки и майоликовые барельефы на тему театрального искусства народов СССР, пузатые мраморные столбы с каннелюрами на углах пилонов и обилие светильников – вся эта ампирная пышность делает станцию нарядной и похожей на фойе театра.

Станция «Динамо» занимает промежуточную стадию между классикой и авангардом: с одной стороны – строгие четырехгранные столбы по углам пилонов, нарядные капители, сводчатое перекрытие потолка. А с другой стороны, поскольку оформление станции было призвано подчеркнуть передовой уровень достижений СССР в области спорта, использовался неклассический прием подсветки: установленные в верхней части пилонов светильники были закрыты полупрозрачными плитами оникса. В сочетании с фарфоровыми медальонами, изображающими аллегории тех видов соревнований, по которым проходили Спартакиады народов СССР, они придают станции более современный вид.

Если первые станции в большинстве своем холодно-неприступны и не отличаются богатством отделки, то станции второго этапа строительства с их обилием декора и теплой подсветкой производят впечатление торжественности, и вместе с тем – уюта, их пропорции становятся ближе к человеческим. Облик этих станций призван воздействовать не на разум, но на чувства: они будят в человеке гражданственность, долг перед империей. Человеку говорят: ты должен трудиться на благо родины, развивать свои знания, совершенствовать опыт, и... твоя индивидуальность будет оценена. Новые станции стали истинными «дворцами для народа».

Третья идеологическая волна была напрямую связана с отражением фашистской агрессии. Великая отечественная война показала советскому руководству, что костяком советского народа, его хребтом является русский народ. И что пренебрежение его родной стариной, его традициями может негативно сказаться на боевом духе вооруженных

сил, а значит – на исходе боевых действий. Именно в годы войны в армию возвращаются офицерские звания. Одновременно с этим вводят ордена, носящие имя выдающихся русских полководцев. Следовало всеми возможными способами продемонстрировать это послабление на национальной почве.

Третий этап оформления московской подземки охватывает как военный, так и послевоенный период. Уже после первых побед советского оружия – в 1943, 1944 годах открываются станции третьей очереди. Это станции Арбатско-Покровской линии от «Бауманской» до «Партизанской», а также станции Замоскворецкой линии от «Новокузнецкой» до «Автозаводской».

С одной стороны, их внешний облик является логическим продолжением интерьера станций второй очереди. А с другой – в них появляются совершенно новые мотивы и – новые элементы оформления.

Так, развиваются намеченные ранее два пути строительства: холодноватый авангардный («Бауманская» – детище архитекторов Ю.П. Зенкевича и Б.М. Иофана, классика конструктивизма; «Партизанская» с геометричными формами ее декора) и торжественно-имперский («Новокузнецкая», «Павелецкая»-радиальная, «Семеновская»). Станция «Электрозаводская» с ее рядами плафонов-пилонов занимает промежуточное положение, а скудные интерьеры «Автозаводской» тяготеют к оформлению станций первой линии.

Посвящение станций третьей очереди так или иначе связано с боевыми действиями. Героизму советских воинов и истории вооруженных сил посвящены «Семеновская» и «Павелецкая»-радиальная. Так, потолок «Семеновской» покрыт изображениями оружия, на ее стенах расположены

барельефы в виде щитов с изображением воинской символики и портретов воинов. Ее торцевую стену украшает горельеф, изображающий орден Победы на фоне оружия и знамен с надписью «Нашей Красной Армии – Слава!». В центральном зале «Павелецкой» ряды арок перемежаются бронзовыми медальонами с лавровыми венками (это в 1943 году!), окружающими серп и молот.

Стойкость советского народа в годы Великой Отечественной войны, сочетающая мирный труд тыловиков с отвагой воинов, воспеваются в интерьерах «Новокузнецкой», «Автозаводской», «Бауманской» и «Электрозаводской». Так, на «Бауманской» эта тема проиллюстрирована скульптурами. На стенах кассового и эскалаторного залов Электрозаводской располагаются медальоны с портретами М.В. Ломоносова, П.Н. Яблочкова, А. С. Попова, М. Фарадея и других ученых-основоположников электротехники. Мозаичные панно, посвященные труду советского народа в военное время, имеются на «Автозаводской» и «Новокузнецкой».

Это – факты, лежащие на поверхности. Так же как и то, что «имперский» вариант станций третьей очереди отличается еще *большим* величием, еще *большим* богатством декора. В частности, именно на этих станциях появляются роскошные смальтовые мозаичные панно, сочетание мозаик с лепниной, скульптурными и рельефными украшениями.

Если же взглянуть в облик «военных» станций более внимательно, можно обнаружить любопытные вещи. Наибольший интерес вызывают их фрески, рельефы, металлические вставки-арматуры – все те декоративные элементы, которые призваны продемонстрировать мощь империи. Публицисты нашего времени с пеной у рта спорят о том, возможно

или немыслимо совмещать имперскую и национальную идеологии, что называется, в одном флаконе, – эти изображения наглядно демонстрируют: вожди советского союза считали такое совмещение не только возможным, но даже необходимым. Третья идеологическая волна от культа имперской мощи аккуратно отходит к культуре Традиции.

Станции третьей очереди подземки парадоксальным образом сочетают в себе элементы имперскости с русскими национальными мотивами. На станции «Новокузнецкая» впервые появляется изображение русского князя-полководца – Дмитрия Донского. Барельефы, изображающие бои на фронтах Великой отечественной, дополняются арматурами с изображением секир, копий, мечей и колчанов со стрелами. На торцевой стене той же «Новокузнецкой» расположено мозаичное панно «Фронт и тыл в борьбе против немецких захватчиков», где изображены – впервые! – древние башни Московского кремля, а потолок станции украшают богатые мозаики на ту же тему. Весь облик станций третьей очереди будто бы говорит человеку: ты – личность, ты можешь и должен внести свой вклад в общее дело победы; от тебя зависит, повторит ли сейчас твоя Родина те подвиги, которые совершали во имя своей страны твои славные предки.

В вестибюлях наряднейших станций военного периода до предела усиливается странное впечатление, которое производили уже первые станции: впечатление атеистического храма. Существует бытовой вариант наименования метро: «подземный дворец». Но применительно к целому ряду станций адекватно было бы использовать другое: «подземный храм». Мерные ритмы колонн, уходящий вдаль ровный каменный пол, трехнефная структура... Случайно ли, в силу ли конструктивных соображений, или же

намеренно, – интерьерам этих станций дарован декор, позволяющий видеть в них место для торжественных процессий. В частности, «Новокузнецкая» похожа на храм базиликального типа: ряды опор разделяют ее внутренний объем на три нефа, где центральный, богато украшенный мозаикой, напоминает раннехристианские базилики Рима. Завершается средний неф алтарным возвышением с фреской: советский народ под портретом Ленина. А скамьи этой станции увиты виноградом словесной премудрости, которым так любили русские зодчие украшать порталы храмов. Вообще, «Новокузнецкая» – это одна из самых интересных станций московского метрополитена. Она во многом послужила прототипом самых нарядных станций Кольцевой линии: в годы войны именно в ее облике Традиция нашла наиболее полное воплощение.

Те идеи, которые метро призвано было транслировать в годы войны, не прекратили свое существование после ее окончания. Напротив, их звучание усилилось, достигнув своего апогея в станциях четвертой очереди (1950–1953 годы открытия). Это Арбатско-Покровская линия от «Арбатской» до «Киевской» и Кольцевая линия (за исключением «Киевской» и «Краснопресненской»). Лучшие, наряднейшие из этих станций выражают идею победы русского народа как основной силы народа советского. Так, «Смоленская» (Арбатско-Покровской линии) прямо посвящена победе русского оружия в войне 1812 года. «Арбатская» оформлена в русском стиле: сводчатый потолок, массивные кованые светильники, растительный орнамент и неохватные «колонны» напоминают об интерьерах старомосковских палат и, отчасти русского барокко XVIII столетия. А красочные фрески и панно «Киевской»

говорят об участии в великой Победе, наряду с русским, дружественного украинского народа.

Но наибольший интерес представляют станции Кольцевой линии. Это – концентрированная мощь Традиции в ее сильно порусевшем варианте. Русский старопечатный орнамент украшает «Комсомольскую» и «Павелецкую». Майоликовые панно «Таганской», на которых изображены победители – летчики, моряки, рядовые солдаты Советской армии, – украшены корабликами, словно сошедшими с иллюстраций к русским народным сказкам. На этих же панно, а также на золоченых арматурах «Комсомольской»-кольцевой изображен символ Московского царства – Святой Георгий-Победоносец, убивающий змея. На сводах же «Комсомольской» возглавляют войска славнейшие русские полководцы – Дмитрий Донской, Александр Невский. Интересно, что на этих станциях нашлось место не только русской и старомосковской, но даже... православной символике. Естественно, ее элементы выступают в скрытом виде – как часть символики национальной.

Так, за спиной Александра Невского высятся купола Святой Софии новгородской, а над русскими войсками высоко воздеты хоругви с ликом Спаса. В торце станции «Новослободской» помещено панно с изображением «большевистской Богородицы», держащей на руках младенца – абсолютно каноничное по форме своей изображение, помещенное на фоне пятиконечной звезды...

Начиная со станции «Маяковской» советское руководство привлекает к работам по внутренней отделке метро, наряду с «проверенными» специалистами (А.А. Дейнека, В.И. Мухина, Б.М. Иофан) людей не вполне «лояльных», проявивших себя в связях с Церковью. Ленинградский

мозаичист В.А. Фролов, работавший до революции над внутренним убранством Спаса на Крови и других церквей, исполняет мозаики для «Новокузнецкой», «Маяковской» и «Автомобильной». Скульптор Н.В. Томский, защищавший от закрытия и уничтожения ряд памятников церковного зодчества, исполняет барельефы «Новокузнецкой». А столь крупный православный художник, как П.Д. Корин, разрабатывает эскизы к мозаикам «Комсомольской»-кольцевой, «Новослободской» и «Смоленской», а также к витражам «Новослободской».

Московский метрополитен – не просто крупная транспортная система, но и мощнейший инструмент идеологии, моделировавший в сознании советских людей «идеальный образ» советского гражданина. Работала ли эта система? Да, работала. Метрополитен, как любое новое явление, привлекал людей. Сюда ходили не только иностранцы, не только жители провинции, но и сами москвичи. Ходили просто «посмотреть», как на аттракцион или в цирк, и даже старались, как сообщают мемуаристы, по такому случаю одеться получше.

Но... идеология уходит в прошлое, а искусство остается. Может быть, если сейчас, в начале XXI века, остановиться, выйти на минутку из шумной толпы и посмотреть на станции как на творение лучших архитекторов, художников, скульпторов своей эпохи, нам просто удастся стать чуть лучше?

СОДЕРЖАНИЕ

Графы, князья, генералы и приходской поп. «Дворянские» церкви старой Москвы	3
Храмы «купеческого парадиза»: Замоскворечье, век XVIII-й	13
У истоков «Золотого века» купеческого меценатства. Поколение 1840-х	28
Замоскворечье – Абрамцево: единое творческое пространство	34
«Щукинский» особняк: русский стиль по-купечески	52
Книжные страсти. Москва безумных букинистов	62
Московская подземка времен «пролетарской неоклассики»	72